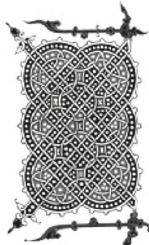

ТЕОРИИ. КОНЦЕПЦИИ. ДИСКУССИИ

О. В. Кириченко

Советская модель конвертации богатства: 1920–1930-е годы¹

1. Конвертацией богатства мы обозначаем механизм преобразования материального богатства в духовное. А последнее, по слову Евангелия, собирается не на земле, а на небе, где его уже никто не может украдь. Наличие механизма конвертации — необходимое условие развития общества в целом, поскольку именно он, как нам кажется, инициирует появление материального богатства как такового (а это — экономика, культура, социальные проекты), и он же дает возможность погашать стремление человека к неограниченному увеличению богатства, но, что еще более важно — через внешние средства (помимо духовно-личностного потенциала человека) совершать добрые дела, угодные Богу. Кроме того, идея конвертации богатства по-своему стабилизировала человеческое сознание, так как позволяла видеть мир в его ценностном измерении. Во всяком случае, на это нас ориентируют как евангельские, так и библейские тексты в целом. Понятия «жертвы», «дара», «приношения» и ряд других возникли на заре человеческой истории, навсегда определив константы ценностных мировоззренческих рамок для человеческого сознания.

Конвертация богатства — весьма сложный механизм, понять функционирование которого невозможно без исследования длительных исторических периодов. Только такой подход дает возможность увидеть национальную (этническую) динамику конкретной конвертационной модели. Русский же опыт позволяет говорить о нескольких исторических этапах, различающихся своими

моделями конвертации богатства. 1) Период с X по XVII в. характеризуется господством церковной модели отношения к богатству; 2) XVIII — начало XX в. — время существования модели общественного отношения к богатству; 3) с 1917 по 1991 г. господствовала модель государственного отношения к богатству. Соответственно, в каждый из этих период доминировал не только тот или иной механизм конвертации богатства, но и существовала своя практика преобразования богатства. В первый период сложилась практика церковно-поминального преображения материального богатства в идеальные формы². Эта деятельность происходила в церковной сфере, на базе церковных возможностей преобразования богатства. Сюда приносил человек свое пожертвование в виде земли, денег, вещей для поминовения своей души и близких ему душ. Конечно, нельзя отрицать того, что и в это время общество и государство, каждое по-своему, участвовали в конвертации, но не как субъекты и организаторы процесса, а в своих представительских функциях. Так, в монастыри приходили и цари, и многие государевы люди, были здесь и представители общества — «чины», от самых простых до высокородных. «Общество» господствовало своей формой конвертации в имперский период, и главной особенностью этой модели конвертации была социальная деятельность, осуществлявшаяся в виде различных благотворительных проектов³. Благотворительность не могла не существовать и в первый период, но тогда она не была определяющей «системой». То же можно сказать и про советскую форму

¹ Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00455.

² Кириченко О. В. Православное отношение к богатству в русской церковной традиции (X–XVII) // Традиции и современность: Научный православный журнал. 2012. № 13. С. 3–33.

³ Кириченко О. В. Отношение к богатству в русской православной традиции (XVIII – начало XX в.) // Традиции и современность: Научный православный журнал. 2014. № 15. С. 64–101.

конвертации, о которой речь пойдет в данной статье.

Нельзя не затронуть вопрос о качественном характере каждой из трех форм конвертации; насколько эффективна (с точки зрения возможностей духовного преображения богатства) каждая из них? Если рассуждать чисто формально, то первая форма конвертации должна быть наименее эффективной, поскольку здесь за пожертвованием идет сугубая церковная молитва, а заказчики поминаются за Божественной литургией. На принесенное в Церковь богатство накладывается церковная печать. Во второй модели конвертации, связанной с делами благотворительности, нет столь очевидного преображения богатства, с точки зрения церковной. Хотя, конечно же, любая благотворительность не может не признаваться добрым делом. Митрополит Московский Макарий (Невский), известный миссионер и подвижник, говорил своим духовным детям, что ему нравится толкование митрополита Филарета (Дроздова) такой трудной для толкования евангельской фразы «Приобретайте себе друзей богатством неправедным...»: «Богатство, которое через пристрастие легко становится мамоном неправды, веществом порока, идолом, — обращается в добре стяжение через благотворение бедным и приобретение в них духовных друзей и молитвенников. Что касается тех богатств, которые не только не свободны от неправды пристрастия к богатству, но и отягчены неправдою злоприобретения, — они напрасно ищут легкого способа прикрыть свою неправду»⁴.

В имперский период России подобный способ конвертации богатства «через благотворение бедным» стал основным, в силу утвердившегося господства светского образа жизни. Казалось бы, что Октябрьская революция, провозгласившая свою социальную направленность — справедливость для бедных — должна будет все прежние социальные проблемы сделать приоритетными, но этого не случилось. Из всех социальных проблем была выбрана одна — проблема женского неравенства и сделана единственной приоритетной для власти. Сюда новая власть, ставшая монопольной обладательницей всех богатств в стране, готова была направить те благотворительные деньги, благодаря которым она только и могла «приобрести духовных друзей и молитвенников». Почему именно «женщины» стали сферой вложения капитала, приносящего нетленные дивиденды?

Чтобы ответить на вопрос, необходимо учитывать тот духовный, женский, монастырский ренессанс, который наблюдался в России в XIX — начале XX в. Появление в большом количестве женских общин, а вслед за ними — новых монастырей было вызвано необыкновенным подъемом подвижнических настроений в женской среде. Духовный подъем привел к появлению новых обителей, но он же и повлиял, на наш взгляд, и в целом на женскую активность и в светской части женского мира. Здесь также быстро растет желание обрести соответствующие светскому миру формы достижений (в государственном управлении, экономике, культуре, образовании, социальной сфере), равной с мужчинами приобщенности женщин ко всем сферам жизнедеятельности. Светский мир разделился на практиков, которые больше были связаны с революционной деятельностью, где действовало немало женщин-революционерок, во многом, на наш взгляд, повлиявших на радикализацию революционного движения в России, и на теоретиков, больше частью из академической, нередко философской среды, для которых женская свобода стала рассматриваться сквозь призму философских размышлений и даже мистического опыта. Из последних наибольшее влияние на читающую Россию оказал философ-историк Владимир Соловьев. Позже, в начале XX в. философские идеи Соловьева по-своему популяризовали многие литераторы «Серебряного века», в особенности А. Блок и А. Белый, заставив не только восхищаться, но и размышлять над их поэтическим образом «Прекрасной Дамы». М. М. Пришвин вспоминал о том времени: «У этих людей в литературном кружке “Прекрасная Дама” была ежедневно на языке, от Блока началось или раньше»⁵. Сам писатель вплоть до 1930-х годов продолжал обдумывать эту тему, соотносить с ней действия своих литературных героев, рассматривать ее (тему) сквозь призму современности.

Большой вклад в актуализацию в общественном сознании женской темы, проблем брака и незаконных детей внес писатель В. В. Розанов, натурализовавший идею пола и сводивший ее к «тайне физиологического акта» как эпицентру человеческой истории. Многие вопросы, поднимаемые им в хлестких публицистических статьях (особенно из цикла «Женский труд и образование»⁶) нашли потом обсуждение и поддержку в большевистской России.

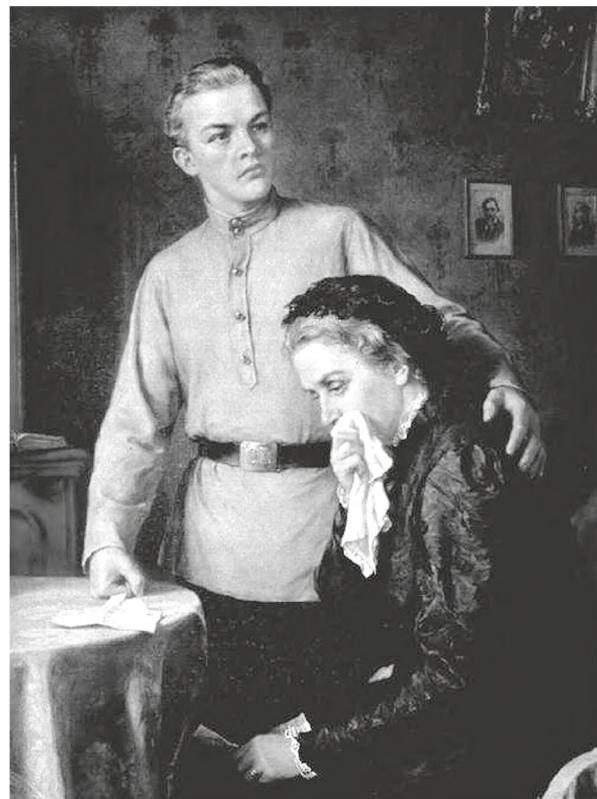
⁴ «Молись, борись, спасайся!»: Письма митрополита Макария (Невского) духовной дочери. М., 1998. С. 80.

⁵ Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. М., 2003. С. 146.

⁶ Розанов В. В. Семейный вопрос в России. М., 2004. С. 623–640.

«Практики», боровшиеся за разрешение женского вопроса, также имели своих ярких выразителей мысли, большей частью в марксистских трудах. Но сюда же можно отнести и целую группу писателей от Чернышевского до Некрасова и Горького, для которых тема женской свободы была одной из важнейших. «Мать» А. М. Горького стала программным произведением для большевиков, поскольку именно здесь, впервые доступно для широких масс было обозначено кредо революционера: у него нет отца (отечества), но есть мать (родина, революция, правда). В матери писателю удалось показать идеальные черты женщины, поддерживающей сына-революционера. Опираясь на ее силу и поддержку, сын может и сам взойти на невиданную высоту мысли, чувства и действия в борьбе со своими врагами. В своей программной речи на суде Павел Власов говорит о разнице употребления богатства в обществе с частной собственностью и без него. В первом случае «общество рассматривает человека как орудие своего обогащения», что заставляет людей разъединяться, враждовать друг с другом. «Ваша энергия, — говорит Власов судьям, — механическая энергия роста золота, она объединяет вас в группы, призванные пожрать друг друга, наша энергия — живая сила всего растущего сознания солидарности всех рабочих... социализм соединяет разрушенный вами мир во единое великое целое». После речи его взгляд только у матери ищет сочувствия и оценки своим словам: «взглянул туда, где сидела мать, и кивнул ей головой, как бы спрашивая: “Так?” Она ответила ему глубоким вздохом радости, вся облитая горячей волной любви».

Дореволюционная Россия была настолько напитана идеей рождения новой женщины, что из этого воздуха, перенасыщенного этим смыслом, не могло не родиться что-то новое. Как ярко звучит эта мифология в ранних советских произведениях А. Платонова, например, в романе «Чевенгур». В этом новом городе-коммуне господствуют идеи, люди берут их прямо из воздуха и тут же материализуют. Женщина рассматривается в новом ценностном мире как «материал», из которого в дальнейшем будет лепиться новый мир, мир коммуны. Для этого коммунисты Чепурной и Дванов собирают сюда обобществленных женщин, чтобы назначить их чем-то одним: женами, сестрами, или матерями. «Жен таких не бывает, — говорит главный герой Александр Дванов на собрании, — такие бывают матери, если кто их имеет». Общество постановило собранным женщинам быть матерями. «Кто здесь сирота

П.П. Белоусов «Мы пойдем другим путем». 1951

— выбирай себе мать! — объявил Чепурный. Сиротами были все, а женщин десять: никто не тронулся первым к женщинам, для получения своей матери, каждый заранее дарил ее более нуждающемуся товарищу. Тогда Дванов понял, что и женщины — тоже сироты: пусть лучше они вперед выберут себе из чевенгурцев братьев или родичей, и так пусть останется». Для Чепурного, главного основателя Чевенгура, идеалом женщины в революции являлась немецкая коммунистка Роза Люксембург, с ней он ведет постоянный диалог, ее он чувствует как самого главного и дорогое для себя человека на земле. Она ему заменяет образы и матери, и сестры, и жены. Художественная абстракция, созданная талантом А. Платонова ярко символически, рисует ту новую роль женщины, которая стала отводиться ей советской властью. Благодаря «новой женщине» сама коммуна (Чевенгур) обретает подлинный смысл, становится привязанной к «земному» и «небесному», получает историческую перспективу.

Церковь в предреволюционные годы также была в курсе происходивших перемен. О женской теме говорят не только сквозь призму монашества, но и обсуждая вопрос о культурной и образовательной сфере деятельности. Так, в 1913 г. в московском церковном журнале

Ф.С. Богородский «Снимаются у фотографа». 1932

«Голос Церкви» было опубликовано пространное исследование митрополита Московского Макария (Невского) о современной женщине-христианке. Мудрый старец-архиерей отмечает, как полезно ей изучение богословия, философии, психологии, педагогики. «Если к этим наукам она присоединит еще изучение истории и филологии или изящной словесности, то это обогатит ее прекрасными историческими уроками и разовьет в ней способность в изящно привлекательной форме излагать свои мысли, придавая своей речи особую окраску нежности, скромности и доброты»⁷. Главная мысль митрополита Макария в работе состоит в обязательности соединения образованности и веры, потому что без веры женщину ждут многие напасти: отпадение от традиции, жизнь вне семьи, морали, верности основным принципам женщины — материинству, браку и т.д. В случае радикального — революционного — решения вопроса о свободе женщины и равенстве ее с мужчиной, она все равно не сможет получить этого равенства, потому что место мужа придет другой господин, в

лице государства («власть многих начальников»). Владыка словно предвидит, что ждет русскую женщину в ближайшем будущем в свете грядущей революции. Чтобы помочь женщине сохранить веру при получении образования, митрополит Макарий добивается открытия в Москве в 1916 г. образцового женского учебного заведения — Высших женских богословско-педагогических курсов, открытых при Скорбященском монастыре⁸. Подобные курсы успели открыться еще в ряде епархий (например, в Ставропольской), но революционные годы не дали развернуться вширь этому начинанию.

Несомненно, что вопрос о «раскрепощении женщины», поставленный советской властью сразу же после победы Октябрьской революции, сформировался еще в дореволюционное время как в «теории», так и на «практике». Большевики лишь поставили эту проблему в тот ряд, который прежде занимала вся благотворительность, во всем ее формальном и социальном многообразии. Они отсекли всю прежнюю благотворительность (как это было, рассмотрим ниже), превратив эту деятельность в обычный труд, такой же, как заводской и фабричный, но только женщину сделав объектом особого «духовного» попечения, ожидая от этой деятельности соответствующих, необыкновенных результатов.

2. Чтобы определиться с субъектом конвертации, необходимо обратиться к той форме власти, которая появилась в октябре 1917 г. Именно форма политической власти, господствующая в стране, всегда определяет общий характер движения богатства (капитала) и ту его часть, которая относится к преобразовательной (конвертируемой) части, из материального в духовное. Государственная власть «пролетариата», или же «народа», в большевистском понимании, была в реальности властью коммунистической партии большевиков. Советская власть называла себя народной властью, и по декларированному праву народности у общества была отнята какая-либо власть, сосредоточенная до 1917 г., в отличие от государственной, в сословных, земских и общероссийских — думских органах власти. Крестьяне в этой системе также имели право на местное самоуправление благодаря волостным и сельским сходам, а также обычно-правовой судебной системе. Новая — советская власть — стала абсолютно государственной, без какой-либо

⁷ Макарий, митрополит Московский и Коломенский, в годы его пребывания на московской кафедре (1912–1917) // Православная Москва в начале века: Сб. документов и материалов / авт.-сост. А. Н. Казакевич, А. М. Шарипов. М., 2001. С. 556.

⁸ Там же.

дели общественной власти внутри государства. Ее абсолютно государственный характер зиждался 1) на такой политической власти, которая за счет партии и разветвленной сети спецслужб позволяла проникать во все поры общественного бытия, не исключая и семьи; 2) на монопольном владении основными формами собственности (на землю и имущество), что давало возможность бесконтрольно пользоваться всеми финансами и руководить финансовыми потоками по своему усмотрению. Понятие частной собственности было практически сведено на нет⁹. Частной собственности была предоставлена частичная свобода в период нэпа, и тогда над частным капиталом все время висел домоклов меч советской власти, готовой на проведение репрессий, если капитал будет вырываться из-под контроля. Как только была провозглашена новая экономическая политика, сразу заработала Московская товарная биржа, начали функционировать банки, как финансово-кредитные учреждения, активизировалась розничная торговля и начался быстрый неконтролируемый рост частного капитала. И хотя большевики создали специальный орган – Комвнурторг – для контроля, но он не мог самостоятельно справиться с невиданной «агрессией» (а точнее активностью) частного капитала. Ситуация разбиралась на специальном заседании Политбюро, где ответственные за эту работу О. А. Лежава и В. В. Куйбышев нарисовали катастрофическую картину скорого господства частного сектора¹⁰. Тогда и было принято решение более активно действовать (конечно, репрессивно) против частного капитала. К 1930 г. такой проблемы, как господство частной собственности, уже не существовало.

Забрав все капиталы в свои руки, советское государство должно было как-то решить вопрос о конвертации богатства, поскольку без решения этой проблемы нельзя говорить о «полном цикле» движения капитала в производстве и обществе. Очень скоро большевики поняли, что для сохранения государства (а оно одно позволяло им сохранить свою власть) необходимы и деньги, и нормальное промышленное производство, и торговля. Любое отсечение одного из необходимых элементов государственного развития грозило разрушением самому государству.

Ограничительные меры против частного капитала уже не позволяли ему полноценно развиваться. От этого ограничения большевики не отказались даже в период нэпа. Нэповский частный капитал был ограничен в своих возможностях движения везде: и в производственной сфере, и в торговле, но и (что еще более важно!) не допускался в духовную сферу (ни в церковную, ни в культурную, ни в социальную), что и заставляло «нэпманов» фактически прожигать свой капитал. Отсюда — ассоциация нэпа у современников с расточительством и мотовством, прожиганием денег. Большевики просто не давали частному собственнику тогда никакой другой альтернативы.

Таким образом, советское государство уже в 1920-е годы становится монопольным владельцем капиталов в стране, и только оно отныне могло опекать ту сферу, которая нуждалась в благотворительности. Но у новой власти изменились не только само понимание задач благотворительности, направленность действий по отношению к нуждающимся, но даже и сам смысл этой помощи. Власть отказалась от самого термина «благотворительность», а милосердие и нищета отказались признавать советскими принципами. Вместо благотворительности стало звучать «социальное обеспечение» как право каждого трудящегося, потерявшего трудоспособность или работу, со стороны общества¹¹. Государство продолжало декларировать, что помочь нуждающимся идет от общества, а не от государства, хотя это было не так. При этом оно исключало из этой помощи всех «не трудящихся», т.е. классовых врагов и чуждых советской власти людей. К тому же, между декларацией о «социальному обеспечении каждого трудящегося» и реальностью обеспечения была огромная пропасть, вызванная многими факторами, как объективными, так и субъективными.

В социальной сфере, как и во всем остальном, большевики действовали по принципу «прежде чем созидать что-то новое, надо разрушить все прежнее до основания». Сфера благотворительности в императорской России была построена на «трех китах»: на частной, государственной и церковной основе. Масштабы ее были огромны. К началу XX в. в стране насчитывалось более 11 000 (по иным подсчетам 20 000) благотворительных заведений¹². Основная

⁹ В Гражданском кодексе 1922 г. собственность определяется в трех видах: государственная, кооперативная и частная. О частной собственности можно было говорить условно, поскольку она была ограничена по многим параметрам.

¹⁰ В общем обороте частный капитал занимал 64%, кооперативный – 10%, государственный – 6,6%. – Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП (б)–ВКП(б). 1923–1938. В 3-х т. М., 2007. Т. 2. С. 171.

¹¹ Баева Л. К. Социальная политика Октябрьской революции (октябрь 1917–конец 1918). М., 1977. С. 78.

¹² Горбунова Е. Ю. Благотворительность в России и ее роль в общественно-культурной жизни на рубеже XIX—XX веков. М., 1996. С. 14.

часть светских благотворительных учреждений была не государственная, а частная. Православная Церковь, особенно в пореформенный период, весьма активно участвовала в делах благотворительности. В приходах существовали богадельни, приюты, школы, в монастырях в еще больших масштабах — школы и богадельни. Кроме того, женские монастыри активно участвовали в помощи солдатам и раненым (сестры милосердия, лечебные принадлежности), оказывали помощь через земства в периоды эпидемий, голодных лет и т.д. Социальной направленностью отличались монастыри, находившиеся на западе и юге России. Кроме того, каждый монастырь сам по себе был самодостаточным организмом, где вопросы «социального обеспечения» решались «сами собой»: здесь существовали больницы, богадельни с опекой за престарелыми и воспитанием сирот, отданных в монастырь на воспитание (это кроме школ и приютов для девочек).

Исследователи отмечают не только усложнение форм благотворительной помощи в пореформенный период, но и быстрый рост благотворительных учреждений. Государство, Церковь и общество совместно действовали в условиях активно нарастающего круга проблем в социальной сфере. Но и такой консолидации, и при желании и имеющихся возможностях решать все новые проблемы сфера помощи не успевала за темпами роста социальной неустроенности¹³. Первая мировая война, конечно, негативно повлияла на ситуацию с социальной помощью, но в целом ситуация не была критической. Когда же после Октябрьской революции 1917 г. большевики отказались от возможности действовать в рамках имеющихся благотворительных учреждений, то наступила настоящая катастрофа. Описание ее до сих пор не составлено, поскольку в каждом отдельном случае, связанном с закрытием приюта, богадельни или воспитательного дома, происходили свои непохожие на другие события. К тому же эта трагедия потонула в общем море революционного хаоса и разорения. Но, тем не менее, опираясь на конкретные случаи, описанные современниками, некоторые общие черты разрушения старой системы можно проследить.

Воспитательные дома и приюты не только перепрофилировались на местах, но и в большинстве своем укрупнялись. Централизация, укрупнение были в числе приоритетных

принципов. Новая социальная система строилась на насилии, грабеже по отношению к одним и холодной отстраненности к тем, которых хотели облагодетельствовать. Приведем два характерных примера. В Ставропольском Иоанно-Мариинском женском монастыре: «17 июня 1920 года члены губревкома, заслушав и обсудив отчет комиссии по ликвидации женского монастыря, предписали губернскому отделу социального обеспечения и здравоохранения немедленно приступить к организации в монастырских помещениях яслей, детских приютов и домов старости»¹⁴. 30 августа губздравотделу было предписано немедленно приступить к передаче отделу народного образования под организацию детского городка помещений госпиталя «Здравница» в монастыре. Решено было также организовать в монастыре детскую больницу на 100 человек». З сентября постановление президиума Ставропольского губернского исполнкома: «Всех монашек (700 человек. — О.К.) распустить по месту своего жительства, передав престарелых из них губсобесу для включения в дома старости. Всю мебель, находящуюся в квартирах монашек и помещениях монастыря, оставить на месте и передать наробразу под организацию детского городка...»¹⁵. Монахини обратились к новым властям, говоря о своей лояльности и о трудовом характере монастырской общины, привели примеры постоянного участия монастыря в жизни общества и государства, широкой благотворительности. Например, монастырь имеет отряд сестер милосердия, который посыпался по всей губернии для ухода за больными холерой. Часть монахинь участвовала в качестве сестер милосердия на фронтах Первой мировой войны. Монастырь много сделал для солдат, передавая на фронт белье, одеяла, чулки и т.д. И далее сестры готовы были принимать в монастырские помещения нуждающихся в помощи и ухаживать за ними. Но сестры не были услышаны, в 24 часа их выселили и отправили в мир.

В Казанском женском монастыре г. Вышнего Волочка те же процессы начались в 1918 г. Исполнительный комитет Вышнего Волочка постановил объединить капиталы всех имеющихся в городе приютов и передать их в ведение комиссариата государственного призрения, а также передать детей в городской приют-школу. После этого монастырский приют

¹³ Отечественная Церковь по статистическим данным всеподданнейших отчетов с 1840—1841 по 1890—1891. СПб., б.г. С. 13—14.

¹⁴ Молитвеницы Кавказа: История Ставропольского Иоанно-Мариинского женского монастыря / сост. Е. Н. Шишкян. Ставрополь: Издательский центр Ставропольской Духовной Семинарии, 2005. С. 50—53

¹⁵ Там же.

был переименован в детский дом “Коммуна” и подчинялся комиссариату, однако по-прежнему располагался на территории монастыря, и значительная часть служащего персонала состояла из монахинь. Вскоре, по распоряжению Вышневолоцких властей, все 250 девочек приюта были переселены из специально оборудованного для них монастырского здания в один небольшой корпус, где они вынуждены были спать по трое на кровати. Впоследствии под угрозой ареста монахини с душевными муками и слезными молитвами вынуждены были передать бедных сирот в объединенный городской детский дом. В полном смятении душ, горько плача, покидали девочки свою родную обитель¹⁶.

А. М. Коллонтай, которая была поставлена партией большевиков и правительством на место наркома государственного признания, стала главным вершителем судеб для всего прежнего аппарата благотворительности. 31 декабря 1917 г. по ее инициативе был подготовлен и опубликован декрет «Об охране материнства и младенчества», который гарантировал тем и другим помочь от государства. Материнство объявлялось в декрете «социальной функцией женщины», а «младенчество» — «прямой обязанностью государства»¹⁷. В рамках правительства был образован комиссариат «Отдел по охране материнства и организации по охране в республике материнства и младенчества»¹⁸. Ею же написаны декреты, касающиеся охраны материнства¹⁹. И хотя до сих пор находятся ученые, которые оправдывают действия А. М. Коллонтай, говоря, что в вопросе о свободе половой любви она была неправильно понята, что ее понимание эроса не шло далее «античного понимания»²⁰, тем не менее следует помнить, что именно А. Коллонтай и И. Арманд выступили разрушителями старой, имперской системы признания и благотворительности, выполнив эту страшную работу энергично и в короткие сроки. Организация советской системы признания проходила медленно и также с большими потерями, особенно со стороны детской части общества.

Как сама Коллонтай отмечает в автобиографии, с самого начала ею были организованы детские дома неприютского типа, распределители для детей нетрудоспособного населения, затем занялись «реорганизацией положения дефективных детей» и для этих целей — открытием санаториев во всероссийском масштабе. Наркому выдали револьвер и патроны, поскольку «реорганизация» признавалась опасным для жизни мероприятием. Главным в организационной части, как она считала, было «будить самостоятельность» в проводниках новой социальной политики²¹. Речь, в данном случае, шла о способности разрушить старое и найти помещение для нового учреждения. Однако в большинстве случаев и то, и другое происходило достаточно однотипно: закрывали старое благотворительное учреждение, его деньги передавали в Москву, а детей или старииков из отдельных приютов и домов свозили в одно-два, реквизированных у новых владельцев, места. Чаще всего таким местом становился какой-то разоренный (как правило, женский, как более обустроенный) до этого монастырь, откуда уже вывезли монастырских приютских детей, закрыли богадельни, приюты и школы. В Москве на базе освобожденных от монашествующих монастырей в 1920-е годы были устроены первые в России десять концентрационных лагерей²².

Сколько было покалечено человеческих судеб за время насильтвенной реорганизации социальной сферы, никогда не удастся ни узнать, ни подсчитать. Одно ясно, что новое строилось на слезах и на горе одних и на насильтвенном навязывании своего представления о счастье другим. Конечно, все в России в таких случаях покрывает чья-то жертвенность, чье-то личное служение, бескорыстие и любовь к близким, но если говорить о создаваемой системе признания в 1920-е годы, то в ней, особенно в первые годы было, много случайных людей, и нередко небескорыстных. На эти не единичные факты

¹⁶ Сказание о Вышневолоцком Казанском женском монастыре Тверской губернии. Православный фонд Валентина Пикуля, 1997. С. 189–190.

¹⁷ Советская власть и раскрепощение женщины (Сборник декретов и постановлений РСФСР). Государственное издательство, 1921. С. 17.

¹⁸ Там же. С. 17.

¹⁹ Коллонтай А. Из моей жизни и работы. Одесса, С. 51.

²⁰ Пушкирев А., Пушкирева Н. Ранняя советская идеология 1918–1928 годов и “половой вопрос” (о попытках регулирования социальной политики в области сексуальности // Советская социальная политика 1920-х–1930-х годов: Идеология и повседневность. М., 2007 С. 209).

²¹ Коллонтай А. Указ соч. С. 52.

²² Московский Иоанно-Предтеченский женский монастырь: Страницы истории. М., 2005. С. 50.

обращает внимание Н. Д. Жевахов в своих воспоминаниях о тех годах²³.

Создаваемая большевиками сфера «социального обеспечения» действительно принципиально отличалась от сети прежних благотворительных учреждений, хотя и те, и другие должны были опекать те же самые группы нуждающихся в помощи людей. Но деньги, которые выделяло советское государство, предназначались лицам, не нуждающимся в благотворительности, в финансово выраженном сочувствии, милосердии, жалости, а таким же гражданам, как и все остальные — советским людям. Государство словно говорило, что оно снимает с них печать отверженности, особости и включает их в категорию обычных советских граждан, но требующих обычного лечения или ухода. Вот почему и нам не имеет смысла говорить, что в советской сфере социального обеспечения было задействовано богатство, которое могло конвертироваться. Никакой конвертации богатства здесь не происходило. Все было по земному утилитарно и прагматично. Не утешает и статистика по линии социального обеспечения, потому что действительное положение в этой «новаторской» области было ужасающим.

Приведем данные самарской исследовательницы Л. Б. Захаровой, которая считает, что советская система социального обеспечения 1920-х годов далеко отставала от дореволюционной. В Самарской губ. в послереволюционные годы только 1% граждан имел право на государственное обеспечение, а получали помощь 0,05%. Правительство страны в 1926—1927 гг. закладывало в бюджет на социальные расходы только 0,67% общей суммы бюджета²⁴. Но даже эта сумма не доходила до нуждающихся.

В области здравоохранения также наблюдался классово избирательный иденежно ограниченный подход. Медицинская помощь была доступна только гражданам, имеющим страховку, и совершенно недоступна сельчанам, а сумма, выделяемая из бюджета на здравоохранение, была менее 10%. В Самарской губ. в середине 1920-х годов она составляла 7% (до революции

эта доля составляла 23,3%)²⁵, что составляло в среднем на одного человека 4 руб. 29 коп. В уездных городах эта сумма была вдвое ниже — 2 руб. 48 коп., а для сельской местности на человека выделялось всего 46 коп.²⁶ Скудным было пособие по безработице. Его не могла получить большая часть тех, кто имел на него право²⁷. Число инвалидных учреждений и содержащихся в них людей в Самарской губ. за 1921—1923 гг. сократилось в 6 раз по сравнению с 1913 г.²⁸ Пенсию по инвалидности и за погибших в годы Гражданской войны получал лишь узкий круг горожан. Даже выделяемые деньги уменьшались, когда дело доходило до получения. В целом новая социальная система на конец 1920-х годов в городе так и не была выстроена. «В Самарской губернии и в губерниях Поволжья в целом система социального обеспечения к концу 1920-х годов находилась в критическом положении: рост расходов на нужды социального обеспечения существенно отставал от роста общегубернских бюджетов, вследствие этого пенсиями не могли обеспечиваться не только все граждане, имеющие такое право, но и инвалиды, принятые на пенсионное обеспечение»²⁹.

В 1930-е годы положение в сфере социального обеспечения стало заметно улучшаться, и не только за счет лучшего материального обеспечения, но и за счет подбора компетентных кадров, неравнодушных к специфике своей профессии. Но раз и навсегда утвержденный принцип полного социального единства опекаемых государством лиц со всем обществом продолжал ставиться во главе угла этой сферы. Большая семья социально опекаемых была такой же семьей, как и малые семьи, живущие немного другим укладом. Детдомовские дети не могли не тосковать по малой семье, по родителям, как следует из биографии поэта Николая Рубцова, прошедшего школу детского дома в военные годы в вологодской глубинке. Воспитательница детдома А. М. Жданова вспоминает: «Жили тогда в детдоме очень трудно. В спальне иногда было холодно. Не хватало постельного белья. Спали на койках по двое... Дети совсем смирились. Ни на что не жаловались. При детдоме было свое

²³ Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. В 2-х т. М., 1993. Т. 2. С. 180—183.

²⁴ Захарова Л. Б. Концепция социальной политики советской власти: теория и практика (1920-е годы). Самара: Самарский гос. технический ун-т, 2012. С. 39—41.

²⁵ Там же. С. 133.

²⁶ Там же. С. 135.

²⁷ Там же. С. 26.

²⁸ Там же. С. 27.

²⁹ Там же. 37.

подсобное хозяйство, работали все, в том числе и младшеклассники»³⁰. Воспитанница детдома Е. Буняк также говорит о трудностях, но и об оптимизме: «Годы были трудные, голодные, поэтому мало помнится веселого, радостного, хотя взрослые, как только могли, старались скрасить наше сиротство»³¹. Сам же Николай Рубцов описал эти годы в стихах:

Вот говорят, что скуден был паек,
Что были ночи с холодом, с тоскою, —
Я лучше помню ивы над рекою
И запоздалый в поле огонек.
До слез теперь любимые места!
И там, в глухи, под крышею детдома,
Для нас звучало как-то незнакомо,
Нас оскорбляло слово «сирота».

3. Таким образом, сфера социального обеспечения была выведена из области благотворительности и включена в обычный, для большинства трудящегося населения, учебный, воспитательный и производственный процесс. Но вместе с тем на первой, большой волне проекта социального обеспечения, когда безжалостно разрушалась старая, дореволюционная система благотворительности, с ее очевидным фактором конвертируемого богатства, у большевиков родился другой необычный социальный проект. Речь идет о так называемом «раскрепощении женщины», как называли его сами авторы. Женщина еще до революции стала рассматриваться большевиками как особо угнетаемая социальная категория. Женщину нельзя было, как, скажем, инвалида или пожилого бездомного человека, росчерком пера перевести в разряд пациентов какого-либо медицинского или социального учреждения. Чтобы раскрепостить женщину, необходимо было провести длительную по времени и по затратам операцию по ее раскрепощению. Вот почему женщина не попала в ту категорию, которая требовала обычного «социального обеспечения». Здесь от советской власти требовался жертвенный шаг, а значит конвертируемые деньги, которые могли бы привести не только материальный, но и идеальный результат. Таким идеальным результатом должна была стать в перспективе новая советская женщина, наравне с мужчиной участвующая в управлении государством. Строя рай на земле, советские вожди и идеальную сферу видели здесь, на земле, но только в «прекрасном будущем».

Плакат. Неизвестный художник. 1926

В этом контексте социалистическая борьба за женщину представлялась борьбой за победу социализма в целом. Как писал В. И. Ленин в статье «К женщинам-работницам», «Пролетариат не может добиться полной свободы, не завоевав полной свободы для женщины»³².

Кроме женщины еще одна группа — «советская молодежь», поскольку более 50% ее составляли девушки — также может быть отнесена к категории особо опекаемой властью. Женщины и молодежь всегда ставились рядом в тех партийных документах 1920-х–1930-х годов, где речь шла о воспитании нового советского человека. И все же для молодежи не было выделено той ниши в советской идеологии, которая с такой же ясностью и четкостью все время анализировалась и даже облекалась в некие символические формы, как это было, например, с «родиной-матерью». Молодежь, опять же за счет ее мужской полу-

³⁰ Коняев Н. Путник на краю поля // Рубцов Н. М. Последняя осень: Стихотворения, письма, воспоминания современников. М., 2004. С. 473.

³¹ Там же.

³² Ленин В.И. К женщинам-работницам // Правда. 22 февраля 1920 г. № 40.

Плакат. Автор Б. Дейкин. 1932

вины, не нуждалась в раскрепощении, в таком долговременном специальном внимании партии, как женщины. Для молодежи рано нашли удобную идеологическую форму подчинения — через комсомол — и потому, что многое здесь можно было пустить на самотек. То, что партия и власть постоянно выделяла молодежь из остальных категорий граждан, объяснялось, на наш взгляд, только присутствием здесь женской части. Вообще на уровне «молодежи» происходило основное идеиное воздействие на женскую массу, формировались стереотипы, происходило обучение и советское воспитание.

В одной из своих главных работ «Революция и молодежь» (1925 г.) виднейший идеолог советского воспитания А. Б. Залкинд именно в таком ключе рассматривал место молодежи: «Первым объектом для воспитания в духе нового быта должна быть женщина, обычно наиболее прочный и костный защитник старых заветов»³³. Автор перечисляет те психологические черты и особенности, которыми

Плакат. Автор Г. Шегаль. 1932

должна овладеть пролетарская молодежь, чтобы «заболеть непрерывным зудом пролетарской совести». Речь идет не о конструировании нового молодого поколения, а о втягивании в уже имеющееся пространство, где присутствует один образ, один пример для подражания — Ленин. Сам вождь употреблял это понятие, чтобы объяснить характер партийной работы с массами: «Втянуть женщину в общественно-производственный труд, вырвать ее из домашнего рабства, освободить ее от подчинения — отупляющего и принижающего — вечной и исключительной обстановки кухни, детской, — вот главная задача»³⁴.

У Залкинда портрет Ленина как образец для подражания рисуется фантастически мощным энергетическим существом, сплошным сгустком энергии — умной, целенаправленной, неистощимой, творчески активной. Сюда в это поле необычной энергии, в этот «насыщенный колоссальной энергией психофизический аппарат, обладавший неисчерпаемыми возможностями

³³ Залкинд А. Б. Революция и молодежь. Сб. статей. М., 1925. С. 60.

³⁴ Ленин В. И. К международному дню работниц // Ленин В.И. Пол. собр. соч. М., Т. 40. С. 193.

напряжения и возбуждения, неиссякаемой силой для устремления вперед, неистощимым боевым резервуаром...» и призываются молодежь. Здесь «огромная динамика, не мирившаяся спроязыванием, праздностью, требовавшая непременного выявления во внешних общественных действиях... необычайная реалистичная восприимчивость... точное улавливание мельчайших конкретных деталей...». Автор на нескольких страницах текста перечисляет характеристики энергетической мощи вождя и словно предлагает включиться каждому молодому современнику в этот психотренинг по овладению ленинской энергией. На лицо — очевидная работа психолога, или психоаналитика с массами. Метод приобщения к «ленинской энергии» сочетает в себе самый жесткий рационализм (все продумано до мелочей в поведении, жизненной стратегии, работе, учебе, половой жизни и т.д.), с раскрепощением в себе энергии, которую автор называет «классовой», поскольку она принадлежит не индивиду, а всему рабочему классу. «Ожесточенная борьба с бесплодной утечкой классовой энергии, в том числе половой, непримиримая ненависть ко всякому индивидуализму, самообособлению, мещанству, неугомонная, жадная, острыя, научная критика всего». «Напористое классовое беспокойство», «максимум товарищеской солидарности», «максимум организованности», «революционная бодрость», «мужество во всем» и т.д. — «вот по какому плану должно строиться здание быта нашего молодняка»³⁵. Автор не раз употребляет это специфическое слово «молодняк», характерное для скотоводов, как бы подчеркивая первобытность, оторванность от всех корней старой — буржуазной — цивилизации новой советской молодежи.

Между тем теория «раскрепощения женщины» не сводилась только к работе в молодежной среде. Появилась эта теория еще до революции среди женщин-большевичек, и тогда уже она была отделена от феминизма как другого женского течения, связанного с нереволюционной борьбой за женское равноправие. В числе самых авторитетных лиц, которые занимались этой проблемой, были И. Ф. Арманд, А. М. Коллонтай и Н. К. Крупская. Из зарубежных коммунисток, оказавших особое влияние на женское революционное движение в России, была гражданка Германии К. Цеткин. Вскоре после Октябрьской революции этой авторитетной

группе большевичек, уже имеющей программу действия, согласованную с Лениным, и было поручено решать проблему приобщения женщины в России к социализму.

Чтобы яснее обозначить динамику процесса организационных преобразований благодаря постепенному созданию политической структуры, работающей на идею раскрепощения женщины, обратимся к информационно емкой статье С. Н. Смидович 1924 г., посвященной семилетнему юбилею Октября³⁶. Автор обращает внимание читательниц журнала «Коммунистка», что подготовка к деятельности по раскрепощению женщины в России началась в 1914 г., когда появился петербургский журнал «Работница». Журнал активизировался в период между февральской и Октябрьской революциями. Тогда же появился еще один журнал «Жизнь работницы». Еще до Октября большевиками делается попытка создать отдельный аппарат по работе среди женщин. Знаковым событием для революционного женского движения уже после Октября стало Всероссийское совещание работниц и крестьянок (ноябрь 1918 г.), где Ленин впервые произнес лозунг «Каждая кухарка должна научиться управлять государством». У движения появилась цель и перспективы. VIII съезд РКП (б) узаконил резолюцию этого совещания, подчеркнув, что главное дело женского революционного движения — это «вовлечение работниц и крестьянок во все административные и хозяйствственные органы страны». Именно после совещания началась активная организационная партийная работа среди женщин советской России. Комиссии по агитации и пропаганде среди работниц и крестьянок организуются при всех партийных комитетах. Государство начинает вкладывать партийные деньги в эту масштабную организаторскую работу. Агитаторы-организаторы работали на платной основе.

Осенью 1919 г. делается еще один важный практический шаг, направленный на создание организационного аппарата, действующего в масштабах всей страны: комиссии реорганизуются в отделы по работе среди женщин (женотделы). В ЦК партии такой отдел, как главный, координирующий работу женотделов страны, возглавила И. Ф. Арманд. В 1920 г. (до 1921 г.) ее сменила А. М. Коллонтай. Женотдел стал базовой основой и первичным инструментом для всей дальнейшей организационной работы

³⁵ Залкинд А. Б. Указ. соч. С. 64.

³⁶ Смидович С. Работница в Октябре и наши достижения // Коммунистка. 1924. № 10. С. 3–5.

Г.Г. Ряжский «Делегатка». 1927

по «раскрепощению» женщины. Такие же женотделы, организационные центры стали создаваться на местах. Женотделы в отличие от комиссий более эффективно взаимодействовали с парткомами, и соответственно лучше могли проводить партийную линию среди женщин. Задачей женотделов и было распространение влияния партии на «женские массы, путем политического и культурного воспитания их», или же — «поднять женские массы до уровня рабочего класса и влить их в общеклассовое, общепартийное строительство». Через эти органы проводилась та самая работа по создания «очагов коммунизма», которые и должны были освободить женщину от «кухонного рабства» и раскрепостить ее. Женотделы являлись отделами парткомов, и, по сути, оказывались составной частью партийного аппарата. Но чтобы это не выглядело

нарочно официально, на низовом уровне создали народную ячейку для практической реализации решений женотделов. Речь идет о создании так называемых делегатских собраний работниц и крестьянок. О делегатских собраниях впервые заговорила Инесса Арманд, и она же внедрила это новшество в структуру работы женотделов. Делегатское собрание состояло, прежде всего, из организаторов — делегаток, выбранных общим собранием (завода, фабрики, села и т.д.) из числа общественно активных женщин (не обязательно партийных), которые готовы были постоянно заниматься вопросами «раскрепощения женщины». Те, кто называл эту деятельность «женским делом», поправлялись: «У нас не женское дело, а дело угнетенных, дело рабочего класса», «нет особого движения работниц и крестьянок, а есть работа по приобщению трудящихся женщин к общей освободительной борьбе»³⁷. Без превращения женщин в пролетариат нельзя было говорить о полноценном рабочем классе.

Большой частью это была работа по организации учреждений, этому способствующих: яслей, детских домов, пунктов общественного питания. Арманд назвала делегатские собрания «начальными школами коммунизма для отсталых

Г.Г. Ряжский «Рабфаковка». 1926

³⁷ Ковнатор Р. Провинциальная печать о пятилетней работе партии среди женщин // Коммунистка. 1924. № 1–2. С. 8.

работниц, которые таким образом вовлекаются в практическую работу советского строительства и знакомятся с основами политграмотности». Делегатки-работницы для повышения

у себя на делегатских собраниях. Кружки на предприятиях включали в себя или беседы, или своего рода лекции — систематические занятия, ведущиеся по программе. В кружках обязательно было «ядро слушательниц». Конечно, в центре кружковой работы стояли «жгучие вопросы современности». Нередко кружковые беседы проводились на предприятиях во время обеденного перерыва⁴⁰. Секционная работа позволила делегаткам сделать еще один шаг — в сторону производственной деятельности. Делегатки, организуя тематические секции по профсоюзным вопросам, кооперации, производству, вносили в производственную среду тот же дух партийности, которым они проникались на собраниях. В период

квалификации должны были обязательно трудиться практиканками в отделах советов, чтобы досконально понять, как происходит процесс политического управления. Практиканство также оплачивалось из партийного кошелька. Во всяком случае, Москва по партийной линии выделяла на это денежную квоту³⁸. Отчет делегаток о своей работе проходил как среди своих — на делегатских собраниях, так и в рамках общих собраний.

В этой структуре в 1920 г. появляется еще одна ступень — ячейки организаторов, задача которых состояла в том, чтобы они были «рукою» женотделов, с помощью которой осуществлялась связь делегатских собраний и женотделов. Как отмечает другой автор журнала, «ячейковый организатор привлекает внимание и сочувствие работниц к РКП. Ячейковый организатор должен быть профессиональным и партийным работником»³⁹. Состав делегатских собраний меняется после очередных перевыборов. Являясь низовой ячейкой женотделов, делегатские собрания могли использоваться в разном формате работы: через практиканток, оргячейки, кружки работниц или же работая в секциях местных советов и потом создавая тематические секции

нэпа это оказалось особенно актуальным. XIII съезд РКП (б) в апреле 1923 г. принимает постановление о создании кадров инструкторов, оказывающих помощь в деле организации кооперативов, чтобы в кооперацию активнее вовлекать работниц и крестьянок. IV сессия совета Центросоюза постановила «ввести оплачиваемые должности практиканток, выделяемых конкретным женотделом работниц в органы потребкооперации для выработки из работниц и крестьянок органических работников первичных кооперативов»⁴¹.

Работа среди крестьянок имела свою специфику и свои трудности. Считалось, что здесь сложнее изживать «домостроевское отношение к женщине со стороны мужчины». Тут также действовали делегатские собрания как основная низовая ячейка практической работы. Особо выделяются волостные делегатские собрания, поскольку на базе волостей могли проходить съезды сельских делегатских собраний работниц и крестьянок. Сельская местность планомерно разбивалась на волостные круги, одно делегатское собрание отделялось от другого расстоянием от 2 до 5 верст. Общеволостные или районные делегатские собрания собирались

³⁸ Там же. С. 6.

³⁹ Ромберг С. Работа на предприятиях // Коммунистка. 1924. № 1–2. С. 4–5.

⁴⁰ Нюрин Ф. Кружки работниц на предприятиях // Коммунистка. 1924. № 1–2. С. 5.

⁴¹ Смидович С. Работница в Октябре и наши достижения // Коммунистка. 1924. № 10. С. 5.

К.С. Петров-Водкин. «Материнство» (фрагмент). 1925

Н.Б. Терпсихоров «На митинге». 1930-е годы

не реже одного раза в месяц, или в крайнем случае — через 6 недель. В реальности, конечно, получалось все по-другому и собраний было меньше и проводились они не всегда регулярно. Чтобы соотнести планы с реальностью, было предложено разделить волости на «ударные», где все выполнялось, и «неударные», с которых спрос был меньший⁴².

Кроме делегатских собраний у сельчан действовали беспартийные бюро, тройки, вожженотделы, волонтеры, организаторы, должности которых оплачивались из партийной кассы. Все эти перечисленные низовые структуры, как и делегатские собрания, работали в тесном контакте с местной советской и партийной властью, под ее присмотром. Задачей этих женских организационных единиц было учиться у советских и партийных органов «управлять государством», приобщаться к партийности, идейности, дисциплине и сознательности. Женщины-активистки из делегатских собраний, бюро и т.д. должны были посещать сельские собрания, сходы, беседы, читки, кружки, избы-читальни и везде проявлять активность, организовывать молодежь, просвещать среднее и старшее поколение. Коммунистки-организаторы

из совхозов также состояли в тесной связи с крестьянскими волонтерами. Через эти структуры организовывалась и контролировалась вся образовательная и социальная работа на селе. Конечно, вся эта пчелиная деятельность не могла не казаться странной людям старой традиции. М. М. Пришин замечает в дневнике 1927 г.: «Почему, например, издевается автор статьи “Социалистического города” над материнским чувством? Почему “детство”, “любовь” и т.п., например, почитание стариков, отца, и матери — все это запрещено у нас. Не остается больше никакого сомнения, что невежды, негодяи и т.п. не сами по себе это делают, а в соподчиненности духу социальной революции, что все люди, Сталин даже, не знают, что делают, и их сознание является действительно не знанием, а одержимостью. Так создается пчелиное государство, в котором любовь, материнство и т.п. питомники индивидуальности мешают коммунистическому труду. Стоит только встать на эту точку зрения — тогда все “изуверства” партии становятся целесообразными и необходимыми действиями»⁴³.

Судя по всему, в низовой аппарат женотделов в нэповский период сверху приходили порой разные сигналы, определяющие то, что же на данный момент является главным в партийной линии относительно женщин. Главным в одном случае была работа женотделов и делегаток в производственной сфере, а в другом — проведение ими партийного воспитания работниц. Оба эти сигналы шли сверху, но из разных партийных кругов, и до поры — пока в партии не прошли чистки и не были уничтожены так называемые левая и правая оппозиции, эти сигналы продолжали поступать. В нэповский период самым авторитетным лицом в женском движении была Н. К. Крупская, которая через подчиняющийся ей главный советский женский журнал «Коммунистка» проводила линию на приобщение работниц к партийному воспитанию. Но и не учитывать вторую точку зрения Крупская и женский партийный журнал и в целом женотделы, конечно, не могли. Тем не менее партийная пропаганда женотделов и делегаток все же шла эффективнее, судя по быстрому росту партийных и комсомольских рядов среди женщин и девушек.

Сразу после Февральской революции в партии было 9,9% женщин (все вновь вступившие весной

⁴² Майорова. Работа среди крестьянок // Коммунистка. 1924. №1–2. С. 25.

⁴³ Пришин М. М. Дневники. 1930—1931. М., 2006. С. 148.

и летом 1917 г.); в 1918 г. — 11,7%; в 1919 — 36,4%; в 1920 — 27,4%; в 1921 — 10,1%⁴⁴; в 1924 г. — 9% (и 11% кандидаток). Резкий рост женских партийных рядов начинается после кончины Ленина, в результате «ленинского призыва». С 38 500 чел. на 1 января 1924 г. эта цифра увеличилась до 76 500 чел. в 1925 г.; в 1926 — 129 000 чел.; в 1927 г. — 148 000 чел.⁴⁵ Автор отмечает, что «партийный рост» среди женщин намного опережал таковой рост среди мужчин. В комсомоле в 1927 г. из 2 млн членов на девушек приходилось 500 000 чел.⁴⁶ Ничего подобного женскому партийному росту второй половины 1920-х годов мы не видим в производственной сфере, потому что там все рекордные подвижки начинаются позже, с начала 1930-х годов. «Основная масса женщин влилась в производство в годы первых пятилеток»⁴⁷. С 1929 по 1936 г. численность женщин в производстве увеличилась на 5 млн человек. В том числе в крупной промышленности — на 2 млн человек; в строительстве — на 350 000 чел.; в торговле и общепите — на 650 000 чел.; в просвещении и здравоохранении — 1 млн; в советском аппарате — на 300 000 чел.»⁴⁸.

Снижение доли женщин в партии, которое наблюдается, начиная с 1919 г., было связано, на наш взгляд, с отсутствием поначалу единства понимания задач «раскрепощения» в самом женском революционном движении. Тогда со стороны партии политику женского движения определял только Ленин. Тон всему задавали его слова о том, что вслед за юридическим освобождением женщины должно последовать ее экономическое и нравственное освобождение, т.е. процесс женского раскрепощения растянялся во времени и потребует от партии особых усилий. Речь шла о такой перестройке быта, которая бы позволила освободить женщину «от кухонного рабства», для того, чтобы трудиться на производстве и вести активную общественную жизнь. Ленин обращал внимание и на «духовный» аспект раскрепощения: через переделку массовой психологии и вытравливания всех корней «рабовладельческой» точки зрения

на господство мужчины в семье, «пробудить социальную жизнь» женщины, ее социальную активность⁴⁹.

Но со стороны женского большевистского актива, в лице, прежде всего, двух лиц — Инессы Арманд и Александры Коллонтай — идеи «раскрепощения» получили не просто более детальный характер, но во многом и более радикальный. Та и другая, занимая самые высокие посты (одна в качестве наркома призрения, другая в качестве главы женотдела при ЦК партии), стали проводить линию на ликвидацию семьи вообще для того, чтобы воспитание детей перешло к государствству. В резолюции I Всесоюзного съезда работниц по их инициативе было записано: «Теперь, при переходе к социалистическому домашнему хозяйству, вредные пережитки старины, отсталое, кабальное домашнее хозяйство должно исчезнуть»⁵⁰. По их рекомендации стали создаваться образцовые деревенские коммуны, не имеющие личного хозяйства, но живущие общим владением на все предметы домашнего обихода. Этот опыт был прекращен только в начале 1930-х годов, в пору проведения массовой колхозизации⁵¹.

Вокруг них сформировался круг единомышленников: А. М. Коллонтай, И. Ф. Арманд, Н. К. Крупская, П. С. Виноградская, О. Б. Каменева, З. И. Лилина, К. Н. Самойлова, С. Н. Смидович. Не сразу появилось детальное понимание того, какой должна быть технология процесса «раскрепощения женщины». Но первым шагом стало наступление на семью как главную ячейку буржуазного общества. Семью должна была заменить система общественного (точнее государственного) воспитания.

Пропаганда революционного наступления на традиционную, «буржуазную» семью, как ее характеризовали Арманд и Коллонтай, а вместе с ними десятки журналистов, работавших для женских журналов, развернулась по всей стране. Эту точку зрения из большевиков активно поддержали Л. Троцкий и М. Томский⁵². Семья не экономична, разорительна для социализма, — пи-

⁴⁴ Смиттен Е. Женщина в РКП // Коммунистка. 1924. № 4. С. 8–9.

⁴⁵ Ярославский Е. Первое десятилетие // Коммунистка. 1927. № 10. С. 5.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ В годы Первой мировой войны в промышленности России трудилось 600 000 женщин, или 30,6% от общего количества промышленных рабочих (!). — См.: Артюхина А. Второй съезд // Коммунистка. 1927. № 10. С. 23.

⁴⁸ Женщина в СССР / под ред. И. А. Краваля. М., 1937. С. 10–11.

⁴⁹ Роговин В. Вопросы семьи и положение женщины в советской социологии 20-х годов // Динамика изменения положения женщины и семьи. XII международный семинар по исследованию семьи. М., 1972. С. 145.

⁵⁰ Киселева Т. Г. Женщина и семья в послеоктябрьский период: опыт исторического анализа. М., 1995. С. 4.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 5–6.

К.Ф. Юон «Возвращение с работы». 1930

сала Коллонтай, — «подрывает основной принцип идеологии рабочего класса», она основной тормоз на пути раскрепощения женщины. Свобода от семьи требовала и свободы в личной жизни, о чем также много пишут многие авторы, и прежде всего Коллонтай. Однако здесь ни Коллонтай, ни Арманд не были поддержаны вождем пролетариата, pragmatically считавшего, что пролетариату не надо растрачивать свои силы на половую раскрепощенность⁵³. Как только Коллонтай покинула пост заведующей женотделом ЦК партии в 1921 г., всю внутреннюю (женскую) политику в женском вопросе стала определять Н. К. Крупская, которая была противницей разрушения семьи и половой раскрепощенности для женщины⁵⁴. Ее точка зрения на проблему раскрепощения состояла в том, чтобы приобщать советскую женщину прежде всего к партийности через ВЛКСМ, через РКП(б), и через партийность делать активной и сознательной строительницей социализма. Эта позиция стала определять лицо главного женского журнала Страны Советов — «Коммунистка». К слову сказать, вопрос о «половой и телесной раскрепощенности» все же в определенной степени сумел укорениться в женской среде, включая партийную и

комсомольскую, и оказывал всю последующую советскую эпоху влияние на вкусы, пристрастия и моду среди женщин в стиле одежды, отношении к браку, деторождению, личной близости мужчины и женщины.

Философ А. Ф. Лосев в качестве важнейшего критерия женского телесного раскрепощения 1920-х годов выделял утверждавшиеся в обществе новые нормы в одежде. В оголенности плеч и ног у женщин он видит отступление от христианских начал. «Нельзя быть христианкой и ходить с оголенными выше колен ногами и оголенными выше

плеч руками, как требуется по последней моде 1925—1928 гг.»⁵⁵. Для М. М. Пришвина новая мода также напрямую связана с новой моралью: «С тех пор как пошла мода на совершенно короткие юбки, появилась на улице постоянно преследующая меня девушка в красном платье с голыми ногами, толстыми кривыми ногами, что не знаешь куда глаза отвести от этого ослепляющего безобразия... Но теперь, когда стыдливость исчезла и обнажились ужасно безобразные голые ноги, то серые глазки на широком скуластом румяном лице смотрят нагло, обиженно и как будто говорят вам: «смотрите на женщину без романтического покрова, в ней нет совершенно ничего такого, о чем вы мечтаете»»⁵⁶. Как нам кажется, эта очевидная телесная свобода не была связана с половой раскрепощенностью, а скорее с набирающим силу в СССР культом спорта и демонстраций в связи с этим здорового образа жизни. Именно благодаря спорту возникла массовая мода на укороченную одежду среди девушек и молодых женщин. Но несомненно, что утверждался не античный, абстрактно, канонически красивый образ идеального по пропорциям женского тела, а все же живой, конкретный человек, с его индивидуальными чертами и ярко выраженным

⁵³ Пушкирев А., Пушкирева Н. Указ соч. С. 204.

⁵⁴ Полемика по этому вопросу продолжалась, как отмечает Н. Л. Пушкирева, до середины 1920-х, пока за свободу половины любви, в поддержку Коллонтай не выступили Л. Троцкий и Е. Ярославский. — Пушкирев А., Пушкирева Н. Указ соч. С. 209–218.

⁵⁵ Лосев А. Ф. Диалектика мифа / / Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С. 489.

⁵⁶ Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. М., 2003. С. 497.

Делакруа. «Свобода на баррикадах». 1830

«женскими» признаками. Тот же М. М. Пришвин, глядя со стороны на «втягивание» женщины в новый быт, говорит именно о спортивном образе новой женщины: «Женщина будущего, если разбить скорлупу, есть женщина настоящего, прославленная в своем зачатии, плодоношении, деторождении. Недаром и Наркомздрав так старается о детях. Только деятельность его глупая, поверхностная, вместо освященной женщины получается комсомолка-спортсменка, лыжница, культ лыжницы»⁵⁷. На позитивном образе «физкультурницы» построена вся особенность эстетики А. А. Дейнеки — одного из главных в этот период художественных певцов советской женской красоты. То есть акцент на пол, на свободу женского пола в его телесном выражении продолжал хотя и не доминировать, но присутствовать в женских образах, предназначенных для народного художественного лицезрения.

В идеальной, символической форме

женщина, приобщенная к партийности, через принадлежность к ВЛКСМ и РКП (б), должна была быть идеальным образом для всей женской массы в стране. Существовал некий идеальный тип «Революции», наподобие того, что был создан французским живописцем Эженом Делакруа. Картина художника называлась «Свобода на баррикадах» (1830 г.). Но полной абстракции все же было мало для превращения образа «революции» или «свободы» в воодушевляющий всех женщин идеал. Необходим был конкретный исторический персонаж, наподобие того, каким являлся Ленин. В определенной степени такой образ был найден советскими большевиками в лице К. Цеткин и положен в основу символики женского революционного вождизма. Однако популяризации его превращению в символический первообраз помешало сворачивание в конце 1920-х годов всей программы, возглавляемой Крупской по партизации женщины. «Отечество Клары — весь пролетарский мир, — звучало в лозунге в честь германской коммунистки. — Нашу любовь, наше поклонение К. Цеткин, великому борцу за освобождение трудящейся женщины, вождю международного женского пролетарского движения»⁵⁸.

Казалось, вокруг этого лозунга все больше и больше начнет разворачиваться движение за «новую женщину», за преобладание в женщине партийного начала, за отделение женщины от семьи и ребенка, и сохранением за ней лишь функции деторождения шаг за шагом вокруг женсоветов и делегатских собраний все больше и больше будут собираться идеальные женские силы и формировать новое общество. Но это движение, грозящее стране и русскому народу гибелью, было остановлено. Изменилась глобальная обстановка, изменилась ситуация с перспективой мировой революции и в связи с этим и руководителям СССР необходимо было менять свой стратегический вектор направления движения: от мировой революции — к углублению социализма в одной стране. Образ «партийной женщины», предназначавшийся главным образом для воодушевления пролетарских масс за рубежом, в период наступления пожара мировой революции становится не актуален. На первый план выходит другой партийный и государственный интерес: к женщине труда, семейной, живущей в законном браке и воспитывающей детей вместе с мужем. Но воспитать такую женщину через

⁵⁷ Там же. С. 181.

⁵⁸ Коммунистка. 1924. № 1–2. С. 18.

созданные партийные ячейки — делегатские собрания, женсоветы и т.д. было невозможно, это могло сделать только само производство. Эпоха «партийной женщины» сделала свое дело, импульс в сторону «женского раскрепощения» был дан, и поэтому следующий этап — «женщины труда», надо рассматривать как продолжение предыдущего.

4. Уже на XIII съезде РКП (б) в 1924 г. Сталин публично высказывает недовольство развитием советского женского движения как политического движения. И хотя отдельного вопроса «о женщинах» на съезде вообще не предусматривалось (что тоже симптоматично, поскольку вопрос о молодежи стоял отдельным пунктом), но Сталиным было произнесено несколько критических слов в адрес тех, кто организует женское движение. Вождь поставил вину организаторам женского движения малую охваченность всей совокупности женщин социалистическим и партийным строительством. Организаторы, и прежде всего Крупская, критиковались за то, что у них лучше всего получалось. ЦК РКП по поручению съезда составил резолюцию «О работе среди работниц и крестьянок». В документе говорилось об односторонности в работе отделов работниц, об увлечении агитпропагандой и культурно-воспитательными задачами, об «игнорировании работы по бытовому раскрепощению работниц и крестьянок». Подчеркивается, что необходимо увеличить «фронт вовлечения» в партийное, профсоюзное, кооперативное и советское строительство. Организаторам предлагается активно заняться проведением работ по строительству учреждений, раскрепощающих работниц и крестьянок (ясли, столовые и т.д.). В партию принимать — наиболее сознательных; на выборные должности — наиболее выдающихся и партийных. Обращалось внимание на проведение массовой работы на предприятиях и в общежитиях. Немаловажным был и пункт об увеличении кадров платных волонтеров⁵⁹. Но как ни старались женсоветы организовать через кооперативы практическую работу по привлечению женщин к экономической деятельности, для производства это были мизерные результаты. Никакого серьезного результата они не могли принести.

Следующий жесткий сигнал Сталина в отношении Крупской был послан вскоре после XIV съезда РКП (б). На Политбюро она была об-

винена в попытке расколоть партию⁶⁰. Судьба этого направления была решена, в 1930 г. был закрыт журнал «Коммунистка», а чуть позже свернута работа женотделов и делегатских собраний. На фоне разворачивающихся процессов коллективизации и индустриализации эти механизмы приобщения женщины к партийности были уже не нужны, поскольку новая программа «раскрепощения женщины» через труд, а не через партийность подразумевала другие, несоизмеримые прежним масштабы приобщения женщины к социализму. Важно подчеркнуть, что новый проект, в отличие от прежнего — «партийного» проекта Ленина-Арманд-Коллонтай-Крупской не был написан в виде текста, не был обозначен как особая теория. Ни на одном съезде этот вопрос не обсуждался, не утверждался. Женское движение после 1930 г. словно потеряло свое «феминистическое», хотя и революционное лицо. Женщине словно был выдан аванс на равноправие во всех сферах. Априори она стала считаться равной мужчине, в труде, в учебе, в управлении и т.д. Александра Васильевна Артюхина — чиновница высокого ранга, в 1927 г. так говорит о новых задачах, стоящих перед советскими женщинами: «В будущей войне потребуется помочь со стороны женских трудовых масс не только по замене уходящих на фронт квалифицированных рабочих и работников во всех областях социалистического строительства, но и в деле непосредственной помощи армии, работе по организации тыла и (далее идет речь о символической функции быть родиной-матерью для народа. — О.К.) создания твердого стремления к победе в широчайших массах населения»⁶¹.

Неизвестно, была ли новая стратегия продумана Сталиным и его советниками в деталях, или план ее имелся лишь в общих чертах. Но логика нового этапа раскрепощения через массовое приобщение женщины к труду подразумевала быстрое и массовое разрушение традиции и, прежде всего, религиозной. Церковь была единственным серьезным препятствием на этом пути. В ней были корни традиции, в ней освящалась вся трудовая, семейная и бытовая жизнь крестьянина. Порядок «неравенства» мужчины и женщины освящался библейскими и евангельскими постулатами, но иерархия, при добрых нравах, не мешала, а скорее помогала семье жить по-христиански, в послушании и молитве. Исследователи традиционного

⁵⁹ О докладе И. В. Сталина на XIII партсъезде // Коммунистка. 1924. № 7. С. 26; № 8—9. С. 3.

⁶⁰ Стенограммы заседаний Политбюро... Т. 2. С. 469—539.

⁶¹ Артюхина А. Второй съезд // Коммунистка. 1927. № 10. С. 22—23.

крестьянского общества отмечают, что в основе семейных отношений у крестьян лежали любовь, верность и согласие супругов, понимание ими общих задач: трудовых, воспитательных, праздничных⁶². Другой автор подчеркивает: «В большинстве (крестьянских. – О.К.) семей в отношениях между мужем и женой царили согласие и понимание»⁶³. Традиция была своего рода охранной грамотой для сельской семьи, потому что порядок, существовавший из века в век, благословляемый и освящаемый Церковью, налагал на людей определенные обязательства, ставил их в определенные рамки, которые все более и более стали нарушаться в крестьянской среде лишь в пореформенный период. И все же традиция и вера продолжали держать деревню в старых нормах вплоть до революции 1917 г. Да и после нее прежний быт и религиозные устои в массе своей продолжали оставаться незыблемыми вплоть до проведения насильтственной коллективизации. Также по всей стране оставались действующими сотни женских монастырей, хотя и под видом рабочих артелей и даже коммун. Церковь не была помехой устроителям колхозной жизни в пору проведения массовой коллективизации, но она сразу же была поставлена в положение классового врага, вместе с кулаками.

Подготовку к проведению «сплошной» коллективизации осуществлял лично И. В. Сталин, но саму программу подготовили Л. М. Каганович и Е. Ярославский при содействии Н. К. Крупской и П. Г. Смидович⁶⁴. В программе церковная, религиозная жизнь напрямую связывалась с классовым врагом — кулачеством: «Усиление социалистического строительства, социалистического наступления на кулацко-нэпманские элементы вызывает сопротивление буржуазно-капиталистических слоев, что находит свое яркое выражение на религиозном фронте, где наблюдается оживление различных религиозных организаций, нередко блокирующихся между собою, использующих легальное положение и традиционный авторитет Церкви»⁶⁵. Авторы предлагали партии отказаться от ложной позиции терпимости и начать активно применять «административные меры» по

отношению к религиозным обществам, ведь они «являются единственной легально действующей контрреволюционной организацией, имеющей влияние на массы»⁶⁶. Далее предлагается масштабная чистка монастырей (освобождения их от населения и насељниц и заселения их социально нуждающимися гражданами), молитвенных домов, которые сдаются в аренду верующим различными торговыми организациями; церковного быта и церковной обрядности, проявляющихся в праздничной культуре (!), храмов как мест венчания вместо гражданских загсов («школы, суды, регистрации гражданских актов должны быть полностью изъяты из рук духовенства»); вегетарианских столовых и других кооперативных объединений, созданных религиозными организациями. Кроме чистки везде и всюду церковности репрессивными органами, необходимо «организовать массы на борьбу с религией» с помощью активной антирелигиозной работы⁶⁷.

Если просматривать подробно страница за страницей ежедневные и обобщающие ежемесячные сводки чекистских агентов с мест (начиная с середины 1920-х годов и до 1929 г.), обработанные Г. Ягодой, заместителем председателя ОГПУ В. Р. Менжинского (для представления Сталину и др.), то создается впечатление о тенденциозном характере формирования этой информации⁶⁸. При описании ситуации — от месяца к месяцу — слишком быстро шло нарастание дурных — «контрреволюционных» — качеств у кулаков и слишком очевидно желание тех, кто обрабатывал получаемую с мест информацию, поскорее прихлопнуть эту готовящуюся ловушку. А если учитывать, что партийная и государственная верхушка имела тогда только этот канал информации о внешнем мире (о врагах и друзьях), то ясно, каким оружием располагали чекисты, обрабатывающие информацию о народных настроениях, поскольку им ничего не стоило представить нужную им картину (при их личной ненависти к Православной Церкви) и показать видимость нарастания классовой борьбы в деревне, выделив активную роль Церкви в этом процессе.

⁶² Громыко М. М., Буганов А. В. О взорениях русского народа. М., 2000. С. 337–374.

⁶³ Бердинских В. Крестьянская цивилизация в России. М., 2001. С. 160.

⁶⁴ Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 1992. Т. 3. С. 12.

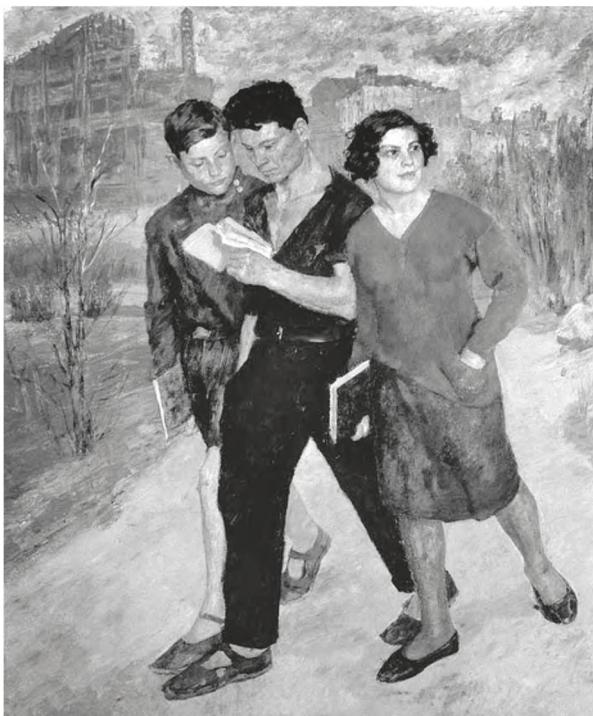
⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 13.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ «Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934). В 8 т. М., 2001–2003.

В целом же гонения на Церковь в 1930-е годы, невиданные по масштабам и жестокости, решали не только идеиную задачу — очищали поле идеологической борьбы от «сорняков», но и освобождали женщину, особенно на селе, от «вредной» привязанности ее к традиции и вере. Насколько преуспели в этом власти, подробнее скажем ниже. В целом же антирелигиозная пропаганда, гонения на Церковь и параллельно ведущееся внедрение в учебных центрах, в публичных лекциях и беседах атеистического-материалистического мировоззрения приносили свои плоды. И там, где в семьях вера была не тверда, малоцерковна, там действительно происходило усвоение «советского взгляда» — атеистического — взгляда на мир. Но крестьянская молодежь (и староинтеллигентские слои), даже в советской школе и на советском производстве, продолжали и верить и тайно ходить в отдаленные храмы. Как патриоты своей Родины, они разделяли тот оптимизм — радость, которая в целом была присуща тому поколению, много учившемуся и трудившемуся⁶⁹. Конечно, сложнее это было делать тем, кто находился под прицелом «классового чувства» или классовой бдительности, а иногда и соответствующих органов. Но и они

Б.В. Иогансон. «Рабфак идет». 1928

шли учиться в ту же общую среду, стремились на работу, понимали необходимость этой работы для своей страны⁷⁰.

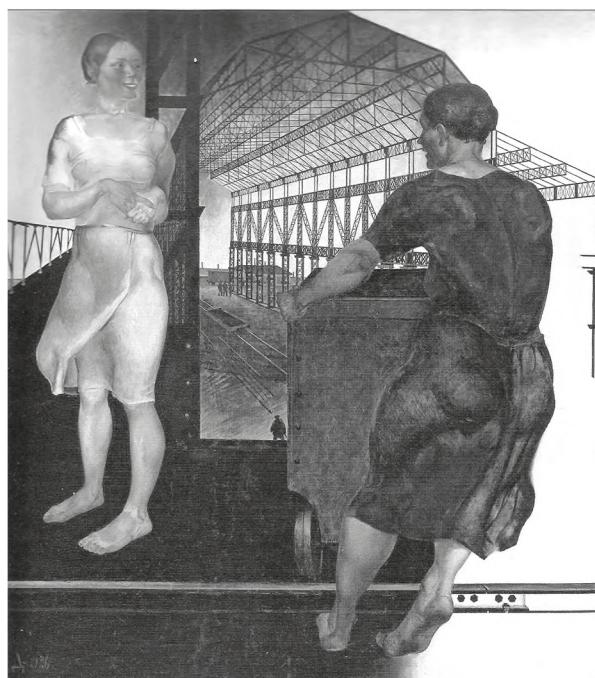
Массовое втягивание русских девушек и женщин в колхозную жизнь и в индустриальное строительство потребовало изменить подходы организационного воздействия на «женскую массу», — больше опираться на общегосударственные, единые для мужчин и женщин механизмы привлечения женщин к производственному труду, активно задействовать средства рекламы: плакаты, радио, кино, литературно-художественные средства. Партии необходимо было признать, что женщины за прошедшее десятилетие уже достигли всех возможных форм равенства с мужчинами и теперь лишь остается это равенство закрепить в производственной жизни. Из этой посылки исходит И. В. Сталин, когда выносит на Оргбюро ЦК вопрос о массовом привлечении женщин на производство. В постановлении обосновывается необходимость этого привлечения, предлагаются пути достижения этой цели и говорится об ожиданиях от этой долговременной акции. «Усиление влияния промышленных работниц на широкие массы трудящихся женщин, рост активности работниц, поднятие их классового самосознания и культурного уровня требуют дальнейшего увеличения женского труда в производстве. Принятый пятилетней план народного хозяйства обеспечивает огромный рост промышленности на базе реконструкции и социалистической рационализации, которая в отличие от капиталистической рационализации, основанной на эксплуатации рабочей силы, дает возможность, без ущерба для функции материнства, расширять применение женского труда в производстве, в том числе и в тяжелой индустрии; в связи с этим ЦК считает необходимым, чтобы соответствующие советские и общественные организации (Госплан, НКТ, ВСНХ и профсоюзы) обеспечили проведение в жизнь, предусмотренное в пятилетнем плане вовлечение во все отрасли промышленности женской рабочей силы, приспособив к этому и план ее подготовки, обеспечивая неуклонный рост количества женщин во всех звеньях по подготовке квалифицированной рабочей силы (ФЗУ, ЦИТ, вечерние курсы, втузы). При проведении плана применения женской рабочей силы ЦК предлагает исходить из: а) Увеличения применения

⁶⁹ Любовь воплощенная. Портрет русской женщины. Мария Тимофеевна Трофимова. Жизнь. Время. Судьба / сост. А. Трофимов. М., 2008. Т. 1. С. 127–128.

⁷⁰ Труханов Михаил, протоиерей. Воспоминания: первые сорок лет моей жизни. Минск, 2008. С. 41–53.

женского труда в тяжелой индустрии, особенно в механических цехах и машиностроении и в тех отраслях промышленности, где женский труд применяется недостаточно, но где он себя вполне оправдывает (деревообделочная, кожевенная и т. д.; б) Проведения твердой линии на запрещение подземного труда работниц при одновременном расширении применения женского труда на поверхностных работах.; в) Максимального заполнения женским трудом швейной, бумажной, пищевой, текстильной, химической промышленности; г) Максимального расширения применения женского труда в торговом и советском аппаратах и на транспорте (кондуктора, вожатые, шоферы и т. д.); д) Расширения применения постоянного труда с.-х. работниц и батрачек в совхозах и плантациях»⁷¹.

Итак, предлагалось вместо женсоветов, делегатских собраний и т.п. дело привлечения женщин на производство поручить нескольким общим для всех – мужчин и женщин – «производственным» организациям: Госплану, Народному комисариату труда СССР (НКТ), ВСНХ, профсоюзам. Каждая из этих структур по-своему должна была раскрывать перед будущими работницами специфику социалистического труда на производстве. Госплан должен был показывать масштабность и продуманность (плановость) экономики, полную зависимость от «народной власти», от партийных лидеров, величие и надежность советской экономики. Народный комисариат труда – раскрывал «человеческое лицо» (в отличие от капиталистической) этой экономики, систему социальной защиты (организация труда, отпуска, пособия и т.д.), ее организационную структуру. Высший совет народного хозяйства как управленческая, министерская организация занималась содержанием самого производственного процесса, и тем самым могла раскрыть всю «сложность» и «красоту» социалистического производства. Профсоюзы рекламировали не себя, а занимались непосредственной стороной привлечения новых кадров, должны были взять на себя основную организационно-техническую и агитационную функцию «втягивания женщин» в промышленную деятельность. Но этого не произошло, как

А.А. Дейнека. «На стройке новых цехов». 1926

отмечает внимательно проработавшая эту тему С. Б. Харитонова⁷². Этим занялся специальный орган, созданный при ЦИК Советов Комиссия по улучшению труда и быта женщин (КУТБ).

Огромную роль начинают играть агитационные плакаты, которые развесивались где только можно. Они призывали, спрашивали, будили сознание, настойчиво и даже навязчиво указывали быть вместе со всеми на строительстве того или иного гиганта, подписываться на займы, заниматься физкультурой, учиться, быть бдительной. «Большинство из этих плакатов начиналось фразой “ты не забыл?”», — отмечает современник в 1925 г.⁷³ Начиная с 1931 г. пропаганда, ведущаяся визуальными средствами, главным образом через плакаты, становится важнейшим средством государственного обращения к гражданам страны. Политическое искусство переходит под начало одного органа – Изогиза, работающего под руководством ЦК. Перед ним ставится задача изменять структуру мышления людей на глубинном, подсознательном, иррациональном уровне⁷⁴.

⁷¹ Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок / Постановление ЦК ВКП (б) от 15/VI.1929 г. // Известия Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии (б). 13 июля 1929. № 19 (278). С. 13.

⁷² Харитонова С. Б. Создание специального аппарата для работы среди женского населения в 1920–1930-е годы (региональный аспект) // Вестник Чувашского университета. 2007. № 3. С. 1–11.

⁷³ Пришвин М. М. Дневники. 1923–1925. М., 1999. С. 51.

⁷⁴ Социальная политика 1920-х–1930-х годов. Идеология и повседневность. Сб. статей / под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской. М., 2007. С. 265.

В пропаганду активно включились радио и кино, где опять же превозносился не женский труд сам по себе, а труд советской женщины совместно и наравне с трудом мужчины⁷⁵. К началу войны в стране действовало семь тысяч радиоузлов и 5 млн. репродукторов, установленных в городах и селах. Радио вещало на 70 языках народов СССР и 28 иностранных языках. Каждый день радио Москвы транслировало 14 выпусков последних известий, пять детских радиопередач, три литературных, 18 музыкальных⁷⁶. Социологические данные 1930-х годов показывают, что у 67% женщин на первом месте в чтении занимает официоз – выступления Сталина и т.д.⁷⁷ Из художественной литературы на первом месте у мужчин и женщин «Мать» М. Горького (от 51 до 66% женщин читало эту книгу), из зрелиц на первом месте – кино, с фильмами «Чапаев», «Юность Максима», «Путевка в жизнь», «Гроза», также идеологически акцентированных⁷⁸. Сегодня трудно проверить, насколько транспарентны и объективны эти данные, учитывая идеологическую запрограммированность таких социологических исследований, и можно допустить, что активность прочтения той или иной книги зависела не столько от эстетического желания ее прочитать, сколько от приоритетов, выстроенных идеологическими установками.

В кратчайшие сроки женщина заняла на производстве прочное место. Подводя итоги женского участия в производственном процессе, экономисты тех лет говорят о беспрецедентных темпах роста женского промышленного труда. «Реконструктивный период социалистического строительства характеризуется ростом женского труда во всех отраслях народного хозяйства. Об этом говорят следующие цифры: на 1/1 1930 г. На 1/1 1931 г. На 1/VII 1931 г. По каменноугольной: 8,4%–10,5%–14,7%; металлургии: 9%–14,9%–17,8%; по машиностроению: 7,1%–13,6%–16,8%; по текстильной: 62,6%–63,6%–64,9%. По данным ВЦСПС, численность женщин, занятых в народном хозяйстве, составляла на 1/X 1930 г.–3697,6 тыс., на 1/X 1931 г.–5698,4 тыс. (увеличение на 2 млн). Та-

ким образом, контрольная цифра в 1 600 тыс. женщин в 1931 г. не только выполнена, но и значительно перевыполнена»⁷⁹. В последующие годы, вплоть до войны, участие женщин в производственной, колхозной, научной, образовательной и культурной жизни только возрастало. В 1937 г. вышла книга, подготовленная статистиками («Женщина в СССР»), которая позволяет увидеть, как в отдельных сферах хозяйства происходил рост женского участия, начиная с 1929 и по 1936 г.⁸⁰ Всего за эти годы на производство пришло 5 млн. женщин: в крупную промышленность – 2 млн; и в строительство – 350 тыс.; в торговлю и общепит – 650 тыс.; в просвещение и здравоохранение – 300 тыс.; в советский аппарат – 300 тыс.⁸¹ Авторы отмечают, что рост женского труда был намного быстрее, чем мужского в те же годы. До 1928 г. основная часть женщин трудилась в текстильной промышленности, в 1930-е годы одна треть их стала металлургами и горняками. Женщин много среди токарей, фрезеровщиков, шлифовальщиков, автоматчиков, револьверщиков, газосварщиков, штамповщиц, крановщиц, на конвейере, в сельскохозяйственном машиностроении, в полиграфии, кожевенном производстве, лесопильной, бумажной промышленностях, ткачестве, хлебопечении, строительстве (маляры, штукатуры, каменные работы). Заметно увеличилось число женщин-инженеров (15,1%), преподавателей и научных работников. Если в 1928 г. среди научных работников было 22,8% женщин, то в 1940 г. – 37%. В Академии наук к концу войны и в первые годы после войны работало 4 тыс. женщин-ученых, среди них 9 членов-корреспондентов, 57 докторов наук и 546 кандидатов наук⁸². Наркомат труда ради привлечения большего числа женщин в 1931 г. значительно расширил список доступных для женщин профессий, ранее запрещенных для них⁸³. Не так много было женщин среди шоферов, трактористок (яркий художественный фильм «Трактористы» 1939 г., пропагандировавший женский тракторный труд, появился уже перед войной), ремонтниц, комбайнеров.

⁷⁵ Головин Г. Ленин и Сталин о радио. Л.: Лениздат, 1977. С. 26, 30.

⁷⁶ Там же. С. 32.

⁷⁷ Женщина в СССР / под ред. И. А. Краваля. М., 1937. С. 145.

⁷⁸ Там же. С. 147.

⁷⁹ Маршева Б., Окунева И. Женский труд в условиях социалистического строительства // Большевик. 30 июня 1932. № 11–12.

⁸⁰ Женщина в СССР.

⁸¹ Там же. С. 10.

⁸² О советском социалистическом обществе. Б.М.: ОГИЗ политиздат, 1949. С. 309.

⁸³ Там же. С. 21.

При этом доля молодых девушек среди работающих женщин, по сравнению с остальными возрастами, составляла 33%, у мужчин этот процент был выше. Численность женщин учителей, бухгалтеров, преподавателей, врачей выросла в эти годы в разы. Высокими темпами росла подготовка женских кадров высшей квалификации. Число учащихся женщин увеличивается с 1928 по 1936 г. более высокими темпами, чем число мужчин.

Женщины активно награждались за свой труд, как и у мужчин, у них были свои активисты соревнований (с конца 1920-х годов), стахановки (с осени 1935 г.), ударницы и отличницы (тоже с середины 1930-х годов). Очевидно, активное участие женщин в этом процессе заставило власть подумать и о материальной заинтересованности, как дополнительном стимуле, рассчитанном большей частью на женскую половину трудающихся. Стахановцы, ударники и отличники, как мужчины, так и женщины получали высокую зарплату, особое социальное обслуживание (специальные часы приема у врача, без очереди, от горено — особое внимание к детям и т.д.). И все же основным стимулом для труда была не материальная заинтересованность, а энтузиазм и трудовой героизм⁸⁴. На стахановках и прочих передовиках лежала профсоюзная обязанность — вести среди жен рабочих работу по приобщению тех к производственному труду⁸⁵.

«Женщина труда», в силу своего достигнутого с мужчиной равенства, получает от государства и установку на единообразие в одежде. Уходит в прошлое «нэпмановский» стиль, предполагавший изящество, разнообразие и даже претензию на роскошь. Одежда становится простой, ориентированной на трудовую повседневность: черный либо серый сатиновый ватник или юнгштурмовка, одинаковые для мужчин и для женщин. У молодежи — поясок с портупеей⁸⁶. Число стандартов женского платья в промышленности, целиком принадлежавшей государству, постепенно сокращается: в 1925 г. их было 80, в 1929—1930 гг. — 20, а в 1930—1931 — 4⁸⁷. Пошивочная материя исчезла из обращения. Только ударники производства могли получить в подарок от государства отрез материи. Одежда, таким образом,

становится не только важнейшим маркером нового государственного статуса женщины — «человек труда», полезного обществу и государству, но и важнейшим показателем равенства с мужчиной.

По-иному с этого времени стали решаться и вопросы о здоровье женщины и материнстве. Но в основном это профилактические, оздоровительные меры, через приобщение к спорту, здоровому образу жизни. Забота о детях также касалась массового приобщения их к общественному воспитанию, через расширение сети яслей, детсадов, интернатов. Семья начинает рассматриваться как сугубо полезная государству ячейка общества и поэтому за ней устанавливается особый контроль государства (не поощряется развод супругов, строго взыскиваются в случае развода более высокие алименты, женщина получает отпуск по беременности: 2 месяца до и два после родов, с полным сохранением зарплаты). Действуют страховки и пенсии по инвалидности и старости⁸⁸. Но интенсивность женского труда такова, что женщины быстро теряют здоровье, мало живут, но в целом в обществе это не ощущается как общее положение вещей. Показатели средней продолжительности жизни женщин крайне низкие, они даже были засекречены и не попали в советское время в статистические сборники. В 1926 г. средняя продолжительность жизни у женщин равнялась 41,9 годам. Следующие данные появляются только в 1959 г. (64,4 года), когда, как отмечает автор, «для рабочих и служащих появилась система социального обеспечения»⁸⁹.

В еще более сложной ситуации оказывается «женщина труда» — крестьянка-колхозница — на селе. Труд ее был не менее (а порой и более) тяжелый, чем на производстве, но за него она не получала зарплату, этот труд оценивался в трудоднях, когда определенная норма должна была быть выполнена в дневной срок. Похожая система учета в это время существовала лишь в лагерях ГУЛАГа. План на трудодни с годами все время возрастал, но выполнить государственный план все же не удавалось: в 1933 г. за один день колхозница вырабатывала 0,87 трудодня; в 1934 г. — 0,95; в 1935 г. — 0,99⁹⁰. Доля женского труда в колхозах на

⁸⁴ Ушакова С. Н. Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. М., 1993. С. 163.

⁸⁵ Там же. С. 176.

⁸⁶ Киселева Т. Г. Женщина и семья в послеоктябрьский период: Опыт исторического анализа. М., 1995. С. 30.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Женщина в СССР. С. 28–33.

⁸⁹ Миловидов А. С. Изменения в структуре экономической жизни мужчин и женщин в России и СССР // Вестник статистики. 1987. № 11. С. 43.

⁹⁰ Там же. С. 40.

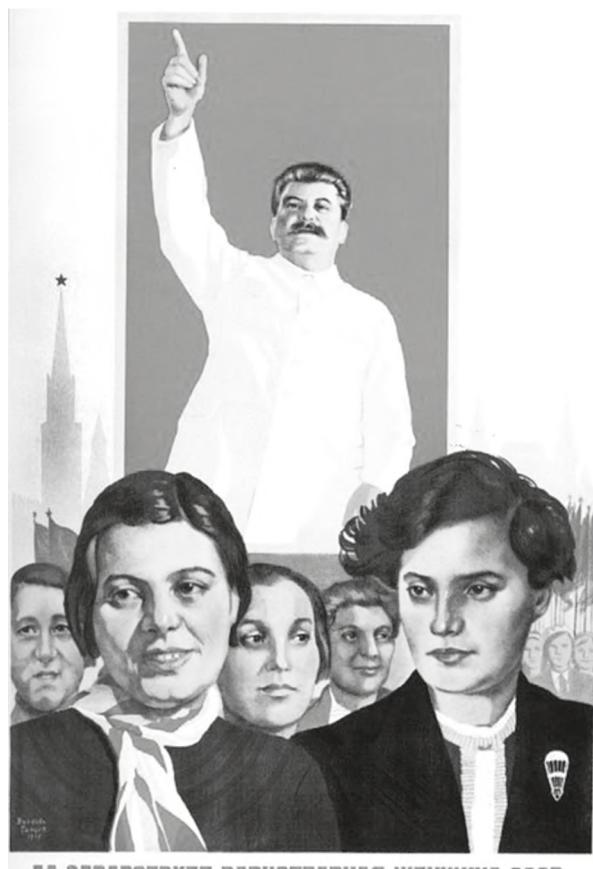

середину 1930-х годов составляла от 23 до 46%⁹¹. Сельские женщины, в отличие от городских, только на один месяц освобождались от труда в период беременности и после рождения ребенка, и получали только половину зарплаты⁹². Они не знали, что такое пенсия и страхование, потому что для них вопрос о пенсии и страховании решался не на государственном уровне, автоматически, а на местном, с учетом средств в местном бюджете и решения местной власти.

Нельзя не учитывать того факта, что именно сельские женщины в наибольшей степени коллективно бунтовали против советской политики, против насильственной коллективизации, а потом и каторжного труда на производстве. Только в период проведения насильственной коллективизации в стране зафиксировано 3712 женских бунтов, подавленных в ряде случаев с применением военной силы⁹³. В 1930-е годы такие выступления прокатились по Сибири. Однако существовал, как отмечает С. Н. Ушакова, негласный запрет на привлечение женщин, особенно многодетных матерей, к административной и уголовной ответственности, что и давало им возможность активно участвовать в протестах, не ожидая серьезных наказаний⁹⁴. В какой степени этот запрет сдерживал репрессивные органы, сейчас трудно оценить, но то, что женщины, попадавшие под категорию «враги народа» или «жены врагов народа», осуждались с неменьшей соровостью, чем мужчины, — факт, не вызывающий сомнений. Попавшая в московскую тюрьму в 1930-е годы жена известного духовного писателя Н. Е. Пестова Зоя Вениаминовна Пестова застала там матерей с младенцами: «Многое я прощаю советской власти, — говорила она, — но одного не могу простить: в тюрьме сидели матери с маленькими детьми, с грудничками. Немытые, грязные, вонючие и больные крошки кричали и умирали с голода»⁹⁵. В 1924 г., отмечает автор воспоминаний, в тюрьмы с младенцами еще не сажали⁹⁶.

Тип советской женщины-труженицы, каким он виделся советской власти в ее производственной ипостаси, не смотря на ориентацию на равенство с мужчинами и в целом в сталинские 1920-е и 1930-е годы, все же продолжал в какой-то мере

ДА ЗДРАВСТВУЕТ РАВНОПРАВНАЯ ЖЕНЩИНА СССР.
Активная участница в управлении государством, хозяйственными и культурными делами страны!

Плакат. М. Волкова, Н. Пинус. «Да здравствует равноправная женщина СССР». 1938

выделяться государством в качестве особой категории, как «женский тип». Подводя итог государственному взгляду на женщину в этот период, следовало бы отметить, что такой взгляд на женщину сохранялся вплоть до смерти вождя. Социалистический социум в 1949 г., судя по официальным сводкам, выглядит как общество, состоящее из трех видов «личностей»: 1) «миллионы рабочих, крестьян-колхозников и советской интеллигенции»; 2) «советские женщины»; 3) «советская молодежь»⁹⁷. Взгляд на раскрепощение женщины сохранялся все тот же. Автор статьи писал: «Положение женщины в обществе является одним из важнейших показателей,

⁹¹ Там же. С. 42.

⁹² Женщина в СССР. С. 39.

⁹³ Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД: Документы и материалы / под ред. А. Береловича, В. Данилова. В 4-х т. М., 1998–2004. Т. 1. С. 17.

⁹⁴ Ушакова С. Н. Указ соч. С. 128.

⁹⁵ Соколова Н. Н. Под кровом Всеявишнего. М., 2000. С. 30.

⁹⁶ Там же. С. 9.

⁹⁷ Каммари М. Д. Социализм и личность // О советском социалистическом обществе: Сб. статей / под ред. Ф. Константинова, М. Каммари, Г. Глазермана. Б.м.: Гос. изд-во политической литературы, 1949. С. 303–317.

известным мерилом и масштабом для оценки подлинного лица цивилизации и культуры общества, — раскрепощение женщины во много раз ускоряет прогресс цивилизации»⁹⁸.

5. Государство в советский период стало претендовать на монополию в деле конвертации богатства. Все прежние формы, существовавшие в России до революции, были фактически поставлены вне закона или вытеснены за пределы повседневной жизни общества в узкую сферу полулегального или ограниченного существования.

Тот способ конвертации, который мы обозначили как «церковный», сложившийся в средневековый период существования Руси, зависел от наличия монастырей и от высоты духовной жизни в них. С почти полным уничтожением как мужских, так и женских обителей в начале 1930-х годов, этот канал движения капитала и преобразования его в нематериальные деньги был фактически прикрыт. До проведения массовой насильственной коллективизации монастыри, ставшие хозяйственными артелями, могли еще принимать пожертвования и молиться за своих благодетелей. В нэповской советской России крестьяне на свой страх и риск в большинстве своем поддерживали на свои средства свои приходские храмы. Верующие сами решали: сколько каждый домохозяин должен заплатить, чтобы поддерживалась жизнь храма, вместе с его клиром. В сводках сотрудников ОГПУ, направляемых из разных мест России в 1920-е годы, нередко отмечается эта приходская активность: «Слабая работа культпросвета в деревне, члены РКСМ венчаются в церкви, попы беспрепятственно сдирают с крестьян свои налоги, весьма разорительные при теперешнем состоянии крестьянского хозяйства» (из Симбирской губ. 1923 г.)⁹⁹. «К духовенству сельское население относится хорошо, оказывая ему материальную поддержку» (Карелия, 1 марта 1923 г.)¹⁰⁰. «Усиление религиозных настроений происходит также и в форме помощи

Е.А. Кацман. «Калязинские кружевницы». 1928

крестьян попам при взимании с последних налогов и других видов платежей. Например, в Чистопольском кантоне (Татарской республике) церковные советы оказывают духовенству при уплате сельхозналога материальную помощь в виде обязательного обложения крестьян по 5 коп. с едока»¹⁰¹. «В с. Великодворье Ковровского у. Владимирской губ. церковники производят сбор добровольных пожертвований на построение церквей. В м. Семеновке Владимирской губ. на ремонт церквей израсходовано 1000 руб.»¹⁰². «В селах Авило-Федоровка, Каменно-Туаловское, Гостевка (Северо-Кавказский край) построены и отремонтированы церкви на деньги, собранные верующими»¹⁰³.

Совершенно очевидно, что крестьяне не собирались ни атеизироваться, ни бросать церковь при развернувшейся уже атеистической пропаганде. Напротив, с их стороны делаются попытки даже строить новые храмы. В 1928 г. «отмечаются факты постройки новых церквей в Сибири, на Украине, в Сталинградском округе и Ярославской губ.»¹⁰⁴ НЭП вселил надежды и в сердца церковного епископата, здесь стали подумывать о том, чтобы потребовать возвращения утраченных Церковью святых мощей, открытия храмов и монастырей. Вот что передают, например, агенты ОГПУ: «В Церкви идет подготовка к совещанию епископов,

⁹⁸ Там же. С. 306.

⁹⁹ Там же. С. 655.

¹⁰⁰ Там же. С. 777.

¹⁰¹ Там же. С. 594–595.

¹⁰² Там же. С. 645.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же. С. 541.

чтобы решать следующие вопросы: возвращение мощей из музеев, допуск духовенства в коопération, признание государством церковных праздников в качестве нерабочих дней, открытие духовных учебных заведений; право юридического лица для религиозных объединений, свобода слова, освобождение арестованных и высланных в лагеря; церковный суд, переделка советского законодательства о Церкви применительно к церковным законам» (сентябрь 1928 г.)¹⁰⁵. Но эти общероссийские порывы верующих уже в 1929 г. были жестоко подавлены в результате нового масштабного наступления на Церковь.

Та система общественной конвертации богатства, которая господствовала в имперской России, также прекратила свое существование уже в первые годы советской власти, вместе с разрушением всех структур, связанных с оказанием частной, государственной и церковной благотворительной помощи.

Церковь и верующие были поставлены в жесткие условия — принять за основу тот способ конвертации, который был предложен атеистическим государством — воспитание в лице женщин «нового человека», способного быть глашатаем новых идей и чувств. Конечно, для Церкви содержательная сторона проекта оказывалась принципиально иной, рассчитанной не на коммунистические идеи, а на вероучительные истины православия, на стойкость в вере в условиях гонений. В 1930-е годы такая среда создается вокруг церковных приходов, усиленных присутствием в них различных дополнительных (кроме приходского священника) церковных сил, в лице: отрещенных советской властью от управления епархиями епископов, монахов из закрытых монастырей, монахинь, в большом количестве поселившихся в городах и особенно в весах — после окончательного разорения их обителей. Там, где церкви закрывались, создавались под руководством старцев и стариц небольшие общинки верующих, готовых жить строго по послушанию, подчиняя всего себя интересам Церкви. «Новый человек» для гонимой Церкви означал, по сути, «старого человека», «человека старорусской церковной традиции», и именно позиции этого человека начинают отставаться церковным активом. Чем такая позиция отличалась от прежней, обыденно приходской церковной позиции? Прежде Церковь окормляла всю целиком массу русского народа, и она не ставила цели сразу добиться

К. С. Петров-Водкин «1918 год в Петрограде»
(«Петроградская Мадонна»). 1920

блестящих результатов церковного воспитания. Жизнь состояла из самых разных обстоятельств, которые нельзя было не учитывать. Другое дело — в советскую эпоху 1930-х годов. Здесь важен был «точечный» контакт Церкви с верующими, с теми, кто жаждал веры, нуждался в ней и был готов оставаться с нею даже в условиях гонений. Этих людей надо было укрепить в вере, придать их вере необходимую богословскую глубину, осознанность, мотивированность, выстроить отношения, подобные монастырским, основанные на послушании и всегдашней молитве. Здесь результат должен был быть налицо сразу, чтобы было ясно, что этот верующий уже сегодня является оплотом Церкви, живым носителем церковности и церковной истины.

Для существования такой плотной среды верующих, хотя и состоящей из численно небольших групп, необходимы были в большом числе духовники с качествами старчества. Именно в советское время женское старчество

¹⁰⁵ Там же. Т. 6. М., 2002. С. 496.

становится массовым явлением, возрастает и разнообразие этого подвижнического церковного служения¹⁰⁶. Одни старицы принимали людей ради их исцеления, другие — ради решения сложных жизненных и духовных вопросов. Те и другие нередко были наделены от Бога даром прозорливости. Еще одна категория стариц была сосредоточена на духовном руководстве своих сестер — монахинь, живших после закрытия монастырей в мирской сельской или городской среде. Странницы и юродивые, число которых сильно увеличилось в этот период, были своего рода «связными» между разными общинами, разделенными большими расстояниями (до 100 км и более). При этом, как и до революции, сохранялась традиционная иерархия, когда женщины-старицы находились в духовном повиновении у старцев-мужчин. Постригать женщин в монашество могли только монахи-мужчины¹⁰⁷.

В целом же то церковное служение, которое несли в этот период старицы и группировавшиеся вокруг них верующие, можно определить, на наш взгляд, как аналог апостольского служения. Апостольство — это особая форма «горения в вере» перед Богом, подразумевающая проповедь и исповедание веры в условиях враждебного по отношению к христианству общества и государства. Апостольство не исключает при этом и социальную миссию помочь людям, требующим особого исцеления, как это было с учениками Спасителя. В апостольстве есть и благовестие Евангелия, и готовность в любую минуту принять мученическую кончину за Христа. В советский период, когда «народ был под гипнозом, не свой», когда «страшная сила вступила в действие», как говорила своим близким духовным чадам блаженная Матрона Московская, людей нужно было заново просвещать, как это делали когда-то апостолы. Если посмотреть на старческую деятельность данного советского периода по исцелению больных, то нельзя не заметить преобладания так называемых психических больных, которых сами старцы называли «одержимыми». Та же блаженная Матрона Московская говорила: «Психических заболеваний нет, есть духовные: немощные, расслабленные, одержимые духами злобы»¹⁰⁸. Многие старицы и

занимались тем, что лечили от этого недуга тысячи людей, а с этим излечением утверждали их в вере, а порой и благочестии. Следует подчеркнуть, что служение самой почитаемой святой советского периода — блаженной Матроне Московской — было связано во многом с противодействием магии и колдовству во всех их проявлениях. Блаженная постоянно сталкивается в Москве предвоенной и военной поры с той категорией лиц, близких к демонологии, которых обычно называли «шептуњами», занимавшихся в простонародной среде наговорами, приворотами и т.п. колдовской практикой. К блаженной сотнями и тысячами (хотя и тайно) обращались люди, пострадавшие от заговоров, «порченные», как говорит ее жизнеописание. «Много молодых к ней ходило», — отмечает в своем воспоминании жительница Москвы Прасковья Сергеевна Аносова¹⁰⁹. Многие больные страдали одержимостью, т.е. находились вовласти падших духов. Близкие к блаженной люди отмечали разнообразие болезней, происходивших от воздействия «злой силы». «Муки были разные, разных бесов — немощи, расслабление, окаменелость, бесноватость, одержимость». Келейницам блаженная рассказывала о сложности излечения одержимых: изгнание беса из человека «сопряжено с мукой — надо прекратить дыхание — момент вроде смерти — и выдержать это человеку почти невозможно»¹¹⁰. За излечением шли не только «простые люди», но и чиновные, и даже партийные и советские функционеры. Так, в указанном жизнеописании приводятся примеры обращения одного советского генерала, дочь которого болела непонятной для отца болезнью. Генерал стал свидетелем излечения дочери блаженной старицей¹¹¹. В 1946 г. произошло исцеление сына «женщины-комиссара», у которой единственный сын сошел с ума. Пришедшая была «безбожницей», но любовь к сыну и последняя надежда на блаженную Матрону (после обращения к советским и даже зарубежным врачам) привела ее в этот дом. После выздоровления сына атеистка обрела веру в Бога¹¹². В данном жизнеописании блаженной Матроны, оставленном на основе воспоминаний многих свидетелей, подчеркивается факт посещения подвижницы большим количеством девушек. Кто-то искал исцеления,

¹⁰⁶ Кириченко О. В. Женское православное старчество в России / / Этнографическое обозрение. 2010. № 5. С. 171–188.

¹⁰⁷ Кириченко О. В. Женское православное подвижничество в России. XIX—середина XXI в. Свято-Алексиевская пустынь, 2010. С. 453–511.

¹⁰⁸ Православные подвижники двадцатого столетия / автор-сост. С. Девятова. М., 2008. С. 70.

¹⁰⁹ Сказание о житии блаженной старицы Матроны / сост. З. В. Жданова. М., 1993. С. 75.

¹¹⁰ Там же. С. 94.

¹¹¹ Там же. С. 76.

¹¹² Там же. С. 98.

другие важного духовного совета, а были и такие, которые просили приворожить возлюбленного, считая блаженную за обычновенную шептуны¹¹³.

Но в служении блаженной Матроны было также и духовное и молитвенное противодействие профессионально занимающимся магам, связанным с теософией и практической магией. Судя по описаниям масштаба действий таких магов («старуха-чернокнижница» Маслова — последовательница Блаватской и др.), противодействие им имело уже не частный характер — помочь кому-то одному пострадавшему, — а было направлено на поддержание духовности всей окружающей среды. Сама блаженная так объясняла эту специфику своего служения: «Народ под гипнозом, не свой, страшная сила вступила в действие, эта сила существует в воздухе. Проникает везде, раньше болота и дремучие леса были обитанием этой силы, т.к. люди ходили в храмы, носили крест и дома были защищены образами, лампадами и освящением, и бесы пролетали мимо таких домов, а теперь бесами заселяются и люди, по неверию и отвержению от Бога»¹¹⁴. «Бесы проникают в человека с воздухом при дыхании, живут в крови». Другая подвижница этого времени, жившая в Тамбовской обл. — схимонахиня Михаила (Сарычева), говорила келейницам: «Вся земля прикрыта гноем от убиенных во чреве детей. А воздух наполнен богохульством. Вот почему раньше молиться было легче — меньше было богохульства. А сейчас бес уже чуть в алтарь не входит»¹¹⁵.

Большая часть старцев и стариц-монахинь, живших или на церковных приходах, или тайно принимавших болящих людей в этот период, были сосредоточены на практической помощи пострадавшим от разного рода заговоров «шептунов», помогая людям укрепиться в вере и начать строгую церковную жизнь как единственную защиту от новых возможных напастей¹¹⁶.

На путь апостольского служения в этот сложнейший для России и Русской Православной Церкви период встало немало и так называемых обычных (не монашествующих) церковных

женщин. Более того, источники позволяют говорить, что именно женщины становятся основной частью тех верующих, которые оказались готовыми понести это церковное служение. В имперский период, когда и начался общероссийский массовый процесс женского православного движения с целью основания новых общин и монастырей (за столетие их было основано более 400!), подвижничество стало основой этого движения¹¹⁷. Если в 1914 г. в женских монастырях находилось около 70 тысяч монахинь и послушниц¹¹⁸, то немногим меньше их было в период рассеяния. Но среди разных видов подвижничества апостольское служение было ограничено «инородческими» окраинами империи. В целом же этот невостребованный в имперский период, по ряду причин, феномен был реализован только в советское время, когда опасность внешних трудностей для существования Церкви и верующих сделалась максимальной.

Женское монашество, расселившееся после изгнания из монастырей в начале 1930-х годов по всей стране, оказалось огромной духовной силой. Именно монахини в немалой степени отстояли Церковь, когда ей грозила самая страшная опасность — быть поглощенной обновленческой «Живой церковью», после того, как последняя распространила свое влияние на сельскую Россию¹¹⁹. Многие архиереи того времени признавали, что даже гонения на Церковь были менее опасны, чем обновленчество. Во-вторых, благодаря женскому монашеству Церкви удалось создать сеть старческих общин по всей стране, несущих разнообразное по формам послушание, цель которого была — сохранить веру и Церковь. Невероятные труды — физические, нравственные, духовные, были затрачены на дело сохранения веры и распространение ее в условиях гонений. Тысячи жизней были отданы за то, чтобы это состоялось. «Государственная конвертация», навязанная православному миру в России как единственная форма преобразования материальных средств, богатства была рассчитана на создание царства земного. И женский православный мир действительно вкладывал все свои богатства —

¹¹³ Там же. С. 81.

¹¹⁴ Там же. С. 107–108.

¹¹⁵ С крестом и Евангелием: Книга об одном удивительном монастыре и его старцах. Задонский Рождества-Богородицкий мужской монастырь, 2011. С. 300.

¹¹⁶ Жизнеописание схимонахини Антонии (Овечкиной) // С крестом и Евангелием. Книга об одном удивительном монастыре и его старцах. С. 358–371; Смирнова Т. Е. Память сердца. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2006. С. 55, 56, 70; Иеромонах Никон. Монахиня Раиса. Жизнеописание. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1997. С. 8–13.

¹¹⁷ Кириченко О. В. Женское православное подвижничество в России. XIX – середина XX в. Йзд. Свято-Алексеевской пустыни, 2010. С. IX.

¹¹⁸ Зырянов П. Н. Русское монашество конца XIX—начала XX вв. // Церковь и время. 2002. № 1 (18). С. 179.

¹¹⁹ Кириченко О. В. Женское православное подвижничество в России. С. 490–501.

жизнь, духовные и нравственные силы, здоровье в земной проект, в то, чтобы уберечь своих современниц от этого полного растворения в земном интересе и помочь в сопутствующих им духовных и телесных бедах. Интересно отметить тот факт, что самые выдающиеся женщины-подвижницы XX столетия, по большей части были людьми или малограмотными, или безграмотными (блаж. Матрона), и это в эпоху, когда знание стало нарочито противопоставляться вере.

Женское православное подвижническое в этот период было зеркально противоположно тому процессу, который сами большевики называли «женским раскрепощением». Размышляя над характером последнего, нам все же не хочется оценивать его со знаком минус, как проект только разрушения традиции, сугубо земной и меркантильный по своему содержанию. Во-первых, внутри этого проекта участвовало немало тех, кого мы относим к женской церковной части, но участвовало с иной мотивацией. Не «мы строим социализм», а — «мы помогаем России отстоять свою независимость перед лицом внешнего врага». Во-вторых, его земное содержание — индустриализация и коллективизация — проводились в 1930-е годы не для созидания коммунистического общества всеобщего благоденствия, а как необходимая база для неизбежных, скорых военных событий. Близость новой мировой войны, а значит опять максимальная концентрация всех материальных ресурсов страны, привлечение всех социальных сил, делали участие женщин в грядущих событиях неизбежным. И это одно единственное оправдывало существование затеянного большевиками проекта по раскрепощению женщин. Ни массовое, широчайшее включение русской женщины в производственный процесс, ни приобщение ее к благам секулярной цивилизации — образованию, культуре, управлению государством и т.д. — ничто, на наш взгляд, не стоило того, чтобы насилиственно разрушать традиционный уклад, семью, отрывать женщин от веры и Церкви. Сам факт появления мировых войн в начале XX в. показывает, что на Земле, среди человечества начался необратимый процесс втягивания всех стран и народов в новую реальность. И никакая страна уже не могла более оставаться в стороне от этого глобального центростремительного вихря, которых затягивал всех и вся в одну воронку глобальных событий. Российская империя не один раз в течение XVIII—XIX в. пыталась свернуть с этого пути общего глобального противостояния, но Европа, а потом и США неумолимо настаивали на именно таком сценарии, где мировая война

является единственным достойным арбитром для стран и народов.

В этом контексте милитаризация общества навязывалась всему миру как путь единственно правильный и спасительный. Однако милитаризация могла быть двух видов: 1) через удушение агрессивной экономикой, что в капиталистической терминологии обозначалось термином «рыночная конкуренция»; 2) через военную экспансию, военное подчинение или принуждение. В западных странах англо-саксонская традиция предпочитала действовать в рамках первой модели, галло-германская — в рамках второй. России же вплоть до 1914 г. приходилось действовать в рамках той и другой, отвечая на все вызовы попутно. Но Первая мировая война впервые поставила вопрос об одном ударном кулаке против православной Российской империи. В этом кулаке должны были соединиться сила и мощь «агрессивной экономики» с «военной экспансией». И этого удара со стороны Запада Россия имперская не смогла уже выдержать, поскольку страна и ее православный император не готовы были даже ради спасения самих себя отказаться от своей идентичности — православия, russкости, имперскости. А именно этого требовала реформа по превращению России в один ударный кулак. Эту задачу (исторически и духовно промыслительно) и должны были выполнить большевики как единственная революционная сила, готовая идти до конца, готовая использовать какие угодно манипуляции с обществом и традицией, религией и нравами, лишь бы удержаться у власти. В Православии есть следующее богословские объяснение о причинах торжества зла в какой-то момент: зло попускается, чтобы добро очистилось и укрепилось, чтобы оно вышло из этого горнила испытаний еще более сильным. И зло, пришедшее к власти в России, безусловно, «по нашим грехам», должно было послужить, по воле Божьей, добру в этом качестве «советского реформатора». Чтобы удержаться у власти, большевики начинают строить именно то общество, то государство, которое походило на «кулак»: оно было и милитаризовано, и экономически агрессивно. Субъективно советская власть готовилась защищать себя от «западного кулака», который опять, после великой депрессии, начал концентрироваться, чтобы ударить по России, но объективно она защищала Россию, как Святую Русь.

В этом случае «раскрепощение женщины» оказывалось тем ресурсом, который был использован Лениным, а потом Сталиным для максимальной концентрации общества, для превращения его

в материальный монолит. Но нельзя не учитывать того, что «материальных сил» у СССР все равно не хватило бы, чтобы противостоять всей западной военной и экономической машине. Тем более, что германская фашистская власть не остановилась только на материальном факторе, на ее духовном знамени блистал агрессивный национализм и идея избранничества белой арийской расы. Это была почвенная, консервативная, хотя и крайне радикальная и антихристианская идея для немцев. Подобной консервативной идеи у Сталина и большевиков в их партийном арсенале не было, поскольку, советская идеология не носила почвеннического характера. Потребность в почвенничестве появилась и у большевиков, как только обозначилась западная опасность консервативного характера. Но поначалу Stalin попытался лишь частично решить эту проблему, когда стал декларировать свою симпатию к русскому народу и русской истории. Но в этой вынужденной симпатии русские и история русского народа рассматривались без православия, без своих духовных корней, поскольку гонения на веру и Церковь продолжались вплоть до начала Великой Отечественной войны. Вместе с тем, даже такая половинчатость годы принесла стране в 1930-е годы скорые и эффективные результаты в промышленности и в сельском хозяйстве. К 1941 г. страна успела создать «русский антифашистский кулак»¹²⁰. Однако как только началась Великая Отечественная война одних материальных достижений оказалось мало для победы над фашизмом, за которым стояли как индустриальные достижения Германии и всей Европы, так и воинствующее антихристианство¹²¹. Для СССР необходим был ресурс Православия: Церкви и веры, традиции и истории. Но Stalin решается на полномасштабное привлечение Православия как духовной идеи, поддерживающей военные ресурсы советской армии только к 1943 г.

На этом фоне вопрос о «раскрепощении женщин» в СССР не может не рассматриваться вне другого процесса, хотя и численно меньшего по масштабам, — на фоне женского православного подвижничества. Значение последнего нам видится в оказании всесторонней духовной помощи «раскрепощенным женщинам». И это происходило задолго до того, как вождь и партия разрешили Церкви (1943 г.) окормлять

руssкое воинство, это было в самые тяжелые годы гонений на верующих и Церковь. Энтузиазм в труде, проявляемый женщинами на производстве, нельзя считать чем-то пустым, выросшим только на идеологической пропаганде. В основе его все же была любовь к своей стране, народу, к своей земле и искреннее и справедливое желание помочь стране выстоять перед лицом надвигающейся опасности. Но нельзя забывать и того, что сообщество «раскрепощенных женщин» все же сильно отличалось от традиционного сообщества женщин. «Раскрепощенные», в массе своей, оказывались людьми, вытесненными из традиции, и прежде всего из религиозной традиции, следствием чего был переход «на понижение», с уровня духовного на уровень психический (душевный). Психические интересы, психический уровень общения, психическое понимание смысла происходящего (через чувства, эмоции, раздражения), все это приводило к искаженной оценке духовной сферы, которая становилась для них чем-то внешним и даже опасным. На традиционное место приходского священника — «окормителя душ и тел» прихожан, или убитого или загнанного в подполье, с одной стороны пришли партийные и советские идеологи, с другой — суррогатные варианты «душепечителей», в лице разного рода колдунов, ворожей, «шептуний» и т.п. добровольных служителей демонических сил. «Навести порчу», «приворожить», «сделать» — стало распространенным явлением в народной жизни, особенно для тех, кто по легковерию поддался атеистической пропаганде и поменял веру на суеверие. Отсюда во множестве стали появляться «одержимые», люди больные духовными заболеваниями, которых отказывались лечить психиатры, поскольку эти заболевания не подходили ни под врожденные психические отклонения, ни под психические расстройства. Психика, ставшая главным субъектом внутриличностной иерархии, в отрыве от духовности, конечно, была уязвима для разного рода идеологического воздействия — пропагандистских кампаний, рассчитанных на массовый психоз и энтузиазм.

Собирая в течение многих лет полевой материал по женскому религиозному подвижничеству в советский период, опираясь на многочисленные публикации, содержащиеся в жизнеописаниях

¹²⁰ Кириченко О. В. Опыт формирования национальной идеи в современной русской общественно-патриотической мысли: критические замечания и предложения // Традиции и современность: Научный православный журнал. 2013. № 14. С. 23–24.

¹²¹ Святитель Зиновий (Мажуга), недавно прославленный Церковью в лице святых, говорил: «...на нашу страну нашла не просто военная сила Германии, а сила демоническая. В основе всего злодейского плана нападения на Россию были тайные языческие и оккультные доктрины сатанистов востока, Гималаев и Тибета». — Цит. по: Ильинская А. Духовное наследие преподобного старца Серафима Вырицкого. Блаженная Любушка. Исповедница Анна. М., 2002. С. 40–41.

подвижников этого времени, мы не могли не увидеть огромные масштабы такого явления, как «одержимость». Как его характеризует Церковь, это феномен вселения падших духов в человека, в результате или целенаправленного воздействия, или из-за проникновения их в результате ослабленной духовно-церковной жизни. Именно со стороны церковных людей, со стороны подвижников-старцев и стариц эти люди и могли получить реальную помощь там, где медицина оказывалась бессильной. Вот почему мы не можем не рассматривать «женское раскрепощение» вне женского подвижничества, как связанные друг с другом незримыми нитями две части одного целого. Это была общая женская часть одного народа, хотя и по-разному решавшая вопросы духовного спасения. В этом общем мире, у «раскрепощенных» оставался шанс не только на помощь со стороны женщин-подвижниц, но и шанс на возвращение на духовный уровень поминания мира, и этот шанс во многих случаях реализовывался. Таких примеров очень много. Вот почему нельзя видеть в «раскрепощенных» какую-то однородную массу, скорее она похожа на пронизанную лучами света воду, которая хотя и движется в одном направлении, но имеет в себе разное качество жизненной влаги.

Вторая мировая война (а для СССР — Великая Отечественная война) стала временем самого масштабного испытания не только для экономики нашей страны, всех народных сил, но и испытания духа для Русской Православной Церкви. Вот почему православные подвижники, жившие в это время, предпринимали особые молитвенные усилия, чтобы помочь стране. Многие православные знают о молитвенном стоянии на камне преподобного старца иеросхимонаха Серафима (Вырицкого), который совершил этот молитвенный труд уже физически больным и немощным человеком, словно являя собой образ самой Русской Православной Церкви, находившейся в подобном же положении. В 1941 г. ему было 75 лет, старец не передвигался без посторонней помощи, но он молился преподобному Серафиму Саровскому о России: «В саду, за домом (в Вырице. — О.К.) метрах в пятидесяти, выступал из земли гранитный валун, перед которым росла небольшая яблонька. Вот на этом-то камне и возносил ко Господу свои прошения отец Серафим. На яблоньке укреплялась икона

(преподобного Серафима Саровского. — О.К.), а дедушка вставал своими больными коленями на камень и простирая руки к небу... Чего ему это стоило! Ведь он страдал хроническими заболеваниями ног, сердца, сосудов и легких. Видимо Сам Господь помогал ему, но без слез на все это смотреть было невозможно... Молился отец Серафим столько, насколько хватало сил — иногда час, иногда два, а порою и несколько часов кряду. Отдавал себя всецело, без остатка — это был воистину вопль к Богу!... Невзирая на холод и зной, ветер и дождь, настойчиво требовал старец помочь добраться ему до камня, невзирая на многие тяжкие болезни, продолжал он свой непостижимый подвиг»¹²². Сам преподобный Серафим, — под чьим духовным окормлением и проходило возрождение женского монастырского подвижничества в XIX–ХХ вв., — также молился за страну в период Отечественной войны 1812 г., когда впервые обозначился контур будущих мировых войн и с ними, явно стала просматриваться опасность грядущих эсхатологических событий. Тогда «Саровская пустынь пожертвовала 2000 рублей ассигнациями “в пособие на составление новых сил к защищению Отечества”... Во всех храмах и часовнях возносились ежедневные молитвы о победе русского оружия»¹²³. Тогда старец Серафим, в числе еще 14 иеромонахов пустыни, получил от правительства награду — наперстный крест в честь победы над французами, с правом носить на Владимирской ленте¹²⁴.

Сохранились также отдельные свидетельства молитв монахинь-подвижниц в годы войны. С именами таких выдающихся подвижниц как блаженные Матрона Московская, схимонахиня Ольга (Ложкина), схимонахиня Севастьяна (Лещева), схимонахиня Серафима Мичуринская (Белоусова)¹²⁵ и ряд других лиц, были связаны истории о молитве за Россию или за Москву в период фашистского нашествия. Схимонахини Ольга и Севастьяна осенью и зимой 1941 г., находясь в Москве, каждую ночь с молитвой обходили Бульварное и Садовое кольцо, идя навстречу друг другу. Как они говорили, «закрывали город на замок»¹²⁶. Блаженная Матрона предупредила Сталина, чтобы он не уезжал из столицы, потому что город не будет взят врагом¹²⁷.

Мичуринская подвижница схимонахиня Серафима (Белоусова) так молилась перед

¹²² Ильинская А. Указ. соч. С. 79–80.

¹²³ Степашкин В. С. Преподобный Серафим Саровский: предания и факты. Саров, 2002. С. 67.

¹²⁴ Там же. С. 68.

¹²⁵ Мичуринская подвижница схимонахиня Серафима (Белоусова). Тамбов, 2004. С. 81.

¹²⁶ Православные подвижницы двадцатого столетия... С. 50.

¹²⁷ Сказание о житии блаженной старицы Матроны. С. 26–27.

приближающимися к г. Козлову (Мичуринску) фашистами, что «от крыши дома до неба образовался яркий, как огонь столп, который заметил оказавшийся неподалеку милиционер. Заподозрив, что кто-то подает сигнал немцам, он вбежал в дом, но увидев слезно молящуюся сияющую матушку, вышел в изумлении»¹²⁸. Другая тамбовская подвижница схимонахиня Михаила (Сарычева) «все военное время непрестанно молилась Богу как за живых – за тех, кто ушел на фронт, так и за умерших – убитых и замученных в то страшное время»¹²⁹. А ведь советская власть не жаловала всех вышеупомянутых людей, включая схимонахиню Михаилу, которую отправляли с родителями на Соловки в ходе раскулачивания, которую постоянно преследовали, так, что у нее тряслась рука от пережитых волнений, не смотря на ее дар прозорливости, помогавшему ей вовремя уходить от гонителей Церкви¹³⁰. Тем не менее, все они молились за Россию и за ее народ, независимо от отношения к власти. В этом же ключе следует рассматривать и сущность того явления, которое мы обозначили как конвертация богатства в советские 1920–1930-е годы, главными участниками которого стали русские женщины.

«Приобретение друзей богатством неправедным», – на наш взгляд, – ключевая евангельская фраза для понимания смысла темы «конвертации богатства». Наличие такого богатства позволяет говорить о двух путях достижения духовного спасения в православной традиции: первый путь – безусловный, через обретение святости, в подвижничестве, личной аскетике, любви к Богу и людям. Второй путь – условный («как Бог примет наши труды», – говорят в народе), через конвертируемое богатство, через то, что Евангелие и называет «приобретением друзей богатством неправедным» (Лк. 16, 1–9). «Друзьями» в данном случае оказываются те, кому «богатыми» передается конвертируемая часть богатства – те, кто на Страшном Суде выступит «другом» перед лицом Божьи для судимого человека. Из этого следует, что всякое конвертируемое богатство называется «богатством неправедным»: и реализуемое через церковные формы (поминовение) – форма, характерная для Средневековой Руси, и через социальную благотворительность, как это было в имперский период, и через государственную модель конвертации, существовавшую в

советское время. Хотя, конечно, следует по-разному оценивать меру приобретения небесного богатства через те или иные формы конвертации земного богатства. Деньги, прямо поданные на поминовение в монастырь или храм – это не только более высокая форма конвертации, но, по-своему более надежная чем две другие. Они, как правило, подавались от лица верующих в Бога людей, и имели конкретную цель – молитву и жертву за душу поминаемого человека. В социальном подаянии, на нужды бедных, больных и т.д. уже появляется момент относительности и неконкретности, отсутствия персонифицированной церковной молитвы, хотя сама по себе такая помощь, безусловно, полезна, как для тех, кто нуждается в помощи, так и для благодетелей. Но среди тех и других уже немало тех, кто является или неверующим, или представителем другой веры (как в притче о милосердном самарянине). В еще большей степени отстраненностью от внутри церковной жизни страдает форма конвертации – государственная, поскольку она проводилась от лица богооборческого государства в целях, чуждых Церкви. И лишь косвенно эта форма конвертации была направлена на пользу не только России, но и Церкви. Подготовка Советского Союза ко Второй мировой войне, носившей не только глобальный, но и антихристианский (антиправославный) характер, делала советскую форму конвертации также важной и полезной для страны, народа и Церкви. Учтем и то, что в каждой из трех исторических форм конвертации богатства были свои негативные стороны, свои «земные издержки», которых у последней – «государственной конвертации» – было больше всего. Именно опыт государственной конвертации богатства позволил нам выйти на мысль о самом феномене богатства, его сложной смысловой природе, где компромисс между добром и злом словно заложен в основу этого понятия. Богатство очевидным образом связано с пониманием меры, которая определяется не на глазок, а конвертируемой частью богатства. Само наличие конвертируемости в той или иной форме уже есть гарантия того, что богатство не растечется, не вырастет до безмерно великого значения, которое может погубить уже самого человека. «Государственная конвертация» – последняя – предупредительная – ступень исчерпаемости конвертационного ресурса, она самая грубая, приблизительная, не свободная для человека,

¹²⁸ Жизнеописание схимонахини Серафимы (Белоусовой) // С крестом и Евангелием. С. 153.

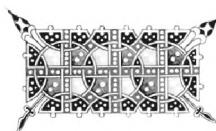
¹²⁹ Жизнеописание схимонахини Михаилы (Сарычевой) // С крестом и Евангелием. С. 290.

¹³⁰ Кириченко О. В. Женское православное подвижничество. С. 506–508.

поскольку здесь ресурсом богатства и распорядительными возможностями обладает только государство. Хотя и у него есть некий люфт, позволяющий изменить стратегию пути. Так, поначалу для большевиков в ленинский период существовала одна задача «раскрепощения женщины», направленная на ее революциализацию, партийное просвещение, превращение ее в механизм идеологического влияния, в рамках решения глобального проекта «всемирной революции». Импульс, направленный на всемирную революцию, шел из среды большевиков России, т.е. изнутри страны. В сталинский же период диктовать условия начинает уже внешний для России фактор военной опасности, из-за чего меняется и характер задачи «раскрепощения женщины». Большевики перестают быть самостоятельными игроками в вопросе о конвертации, из-за чего иной становится и содержательная сторона конвертации. Движение в сторону всемирной революции должно было полностью погубить Россию, поскольку здесь конвертация была направлена только на зло, на разрушение своей страны и других стран. Но в результате заработал другой проект, хотя и со своими большими издержками для страны, народа и Церкви, но все же – объективно направленный на сохранение и того, и другого, и третьего.

В результате государственной конвертации богатства за предвоенное десятилетие был достигнут небывалый результат, в стране появилась новая женщина, готовая трудиться на производстве и в коллективном, построенном на машинном труде сельском хозяйстве; готовая учиться и получать знания на всех уровнях образования и науки; готовая управлять и руководить; по-новому смотреть на семью

и воспитание детей и т.д. Таким образом, повсеместно, в массе своей русская женщина накануне войны готова была полностью разделить с мужской частью населения все тяготы надвигающихся испытаний и даже более того, являть собой образ того идеала, который и должны были защищать бойцы Красной Армии. Символический образ «Родины-матери», выросший из того же процесса «раскрепощения женщины», был своего рода идеальной проекцией новой советской женщины на государственном фоне. У народа был «отец народа» – Сталин, у государства – Родина-мать. Этот символ пришел на смену традиционному понятию «Отечество», который раньше совмещал оба смысла¹³¹. На наш взгляд, таким образом, большевики решали проблему воспитания патриотизма в условиях существования многонационального СССР, где каждый народ (а в особенности самые крупные) получил некую долю политической самостоятельности. Доминирующим образом патриотизма до 1917 г. было понятие «Отечество», смысл которого был четко привязан к земле, этнической территории. Защищалась Русская земля, Россия, а уже внутри ее защищалась и родина каждого народа, каждого человека, так же как и общая для всех жителей СССР Родина. Защита советского государства СССР как Родины-матери была защитой лона, родившего нового советского человека, защитой женщины, матери, земли, жизни. В таком смысловом ключе существовала и готова была раскрыться накануне войны мифология о «новой женщине». И как только начались военные действия 22 июня 1941 г., этот смысл был сразу раскрыт перед народом во всей его глубине и многообразии.

¹³¹ Кириченко О. В. Русская земля, Отечество, Святая Русь, Родина как обозначение этнического пространства русских // Традиции и современность: Научный православный журнал. 2012. № 12. С. 34–50.